

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**МИЛЛИОНЕР
ИЗ КОММУНАЛКИ**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Миллионер из коммуналки

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Миллионер из коммуналки / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2019 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-099229-4

Новый роман о выдающемся сыщике Льве Гурове – герое старейшей детективной серии. За 25 лет вышло около 200 томов тиражом десятки миллионов экземпляров. При загадочных обстоятельствах пропал талантливый студент-программист Костя Соловьев. По странному совпадению незадолго до этого внезапно обнулились банковские счета крупной коммерческой компании. Полковник МВД Лев Гуров уверен: исчезновение Кости напрямую связано с хищением денег. Сыщик решает поближе познакомиться с пострадавшей фирмой. Результаты ошеломляют. Теперь Гуров понимает, что настоящая причина охоты на хакера – не деньги, а его осведомленность в истинной деятельности этой подозрительной организации...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099229-4

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Миллионер из коммуналки	6
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	38
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Николай Иванович Леонов,
Алексей Викторович Макеев**
Миллионер из коммуналки
Сборник

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Макеев А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Миллионер из коммуналки

Повесть

Глава 1

Недалеко от центра столицы в небольшом старинном особняке, осовремененном и переделанном под офис, нервно общались два стильно и дорого одетых джентльмена.

– Этот русский ублюдок вычистил наши счета! – меряя шагами просторный кабинет, говорил высокий блондин в сером костюме. – Они даже не представляют, какой я устрою скандал. Евросоюз встанет на дыбы, вся мировая общественность возмутится. Им закроют все рынки. Ни одна приличная страна даже на порог не пустит. Нынешние санкции после этого покажутся просто детской игрой.

– Успокойся, Грэг. Зачем нам второй Сноуден? Ты ведь понимаешь, чем грозит нам огласка, – пытаясь сдерживать эмоции, возражал ему плотный брюнет, сидящий за столом и дымящий сигарой.

– А, теперь уже все равно, – безнадежно махнул рукой блондин. – Огласки все равно не избежать. Ты ведь не думаешь, что после всего, что сделал, он будет держать язык за зубами?

– Не скажи, – выпустив облако дыма, заметил брюнет. – Здесь интерес взаимный, не только у нас, но и у него тоже. С точки зрения ФСБ, например, он и сам виновен. Ведь он работал на нас. Зачем же ему давать на себя материал? У него в руках хорошие деньги, вполне хватит на то, чтобы купить небольшой островок в южных широтах и провести там припеваючи остаток дней. На кой черт ему устраивать самому себе дополнительные сложности?

– Ну да, особенно учитывая, что при его образе жизни остаток дней вряд ли будет очень большим, – презрительно фыркнул блондин.

– Вот и я о том же. Какой смысл рисковать и подставлять свою задницу, когда можно, как сейчас выражаются, забить на все и круглые сутки валяться на пляже в окружении аппетитных мулаток и прочих прелестей жизни? Я не думаю, что с этой стороны нам грозит опасность разоблачения. Но деньги он увел, здесь ты прав. Нехорошо будет, если вор останется безнаказанным.

– Об этом и речь, Эд! – с энтузиазмом воскликнул блондин. – Разве мы можем это так оставить? «Островок в южных широтах». Легко сказать! А он заработал на него, на этот островок? Нет!! Мы оба это прекрасно знаем. Это наши деньги. Наши! Не знаю, как ты, а я совершенно против того, чтобы какой-то ублюдок на мои деньги покупал себе острова. Нужно что-то делать, Эд, нельзя это так оставлять. Нельзя сидеть сложа руки.

– И что ты предлагаешь?

– Я? То есть... как? Я предлагаю... я... я думаю, нужно найти его. Да! Найти и заставить вернуть наши деньги.

– Это легче сказать, чем сделать, Грэг. Кто будет искать? Полиция? Если мы заявим официально, нам придется объяснить всю ситуацию, а это и будет та самая огласка, которой ты так не хочешь. Да и я, разумеется, тоже. Не говоря уже о наших кураторах. А искать самим... Это тоже довольно проблематично. Пойми, мы чужие здесь. Иностранцы резиденты. У нас никогда не будет таких возможностей, как у этого их Управления внутренних дел, или как его там.

– Комитет государственной безопасности, – с кривой ухмылкой подсказал блондин.

– Ну, или так. Дело не в названии, а в сути. Для нас они никогда не сделают того, что делают для своих. Просто не будут делиться информацией. А без этого, сам понимаешь, далеко не уедешь.

– Сделают только для своих, говоришь, – как-то загадочно прищурился блондин. – Хм... Так давай и обратимся к ним, как свои. Насчет официальных заявлений ты совершенно прав, они нам, разумеется, ни к чему. Да и вообще не нужно впутывать в эти дела фирму. Мы сделаем по-другому. Сделаем так, что они все свои внутренние дела позабудут и нашими займутся. И для этого нам не только официальных заявлений от фирмы, но и вообще никаких официальных заявлений не понадобится. Зачем весь этот официоз между своими?

– Что ты задумал, Грэг? – пылливо взглянул брюнет.

– А вот послушай...

Полковник Гуров заканчивал сложное и запутанное дело о нескольких крупных ограблениях, жертвами которых стали высокопоставленные и обеспеченные лица. Пытаясь привести в систему и «разложить по полочкам» бесчисленные протоколы допросов потерпевших и обвиняемых, он уже который раз засиживался в кабинете допоздна. Вот и сегодняшний вечер не был исключением.

– Все никак не можешь «округлить» дельце? – то ли сочувственно, то ли насмешливо поинтересовался собиравшийся домой Стас.

– Да, уже самому надоело, – тяжело вздохнул Гуров. – В целом материала достаточно, доказательств по каждому эпизоду хватает. Осталось привести все это в порядок и передать в суд. Вот... это и пытаюсь сделать. Уже который день. Потерпевших как-то многовато набралось, да и кражи все непростые, с фантазией. Одних описаний целые тома. Поди разберись тут.

– Что ж, трудись, – очень довольный, что сам может идти отдыхать, проговорил Стас. – Не будем забывать, что именно труд сделал из обезьяны человека. Так что желаю тебе, как говорится, больших успехов, всяческих удач и прочего, и прочего, и прочего...

Говоря это, Крячко в ритме вальса прошел к двери и, плавно распахнув ее, картинно удалился.

– Иди уже, – пробурчал ему вслед Лев.

Еще раз тяжело вздохнув, он углубился в перебирание бумажек, но через минуту его вновь отвлекли. Зазвонил телефон, и, взяв со стола трубку, Гуров увидел на экране номер супруги одного из потерпевших, Эльвиры Батыровой. Гламурная и чрезвычайно словоохотливая дамочка запомнилась полковнику исключительно тем, что на допросе, почти без умолку проговорив часа полтора, она умудрилась так ничего и не сказать собственно по делу.

– Лев Иванович? Здравствуйте! Это Эльвира. Эльвира Батырова. Помните? Вы еще допрашивали меня после этого ужасного ограбления.

– Да, Эльвира, конечно, помню. У вас что-то случилось?

– О! Нет! Что вы! Боже упаси! Я еще не успела прийти в себя после этого ужасного случая. Нет, новых происшествий нам сейчас совершенно не нужно. Я просто... просто хотела... Мне нужно встретиться с вами. Я хотела... мне нужно сообщить вам кое-какие подробности. По нашему делу. Очень важные.

– Вы имеете в виду ограбление?

– Ну да... и его тоже, – как-то странно ответила Эльвира.

– Но по вашему эпизоду доказательств вполне достаточно, – попробовал было отбиться Гуров, предвидя еще один сеанс напрасно потерянного времени. – Я уже готовлю дело к передаче в суд и уверен, что все негодяи очень скоро получат по заслугам. Собранных материалов вполне хватает, чтобы доказать их вину.

– Нет, нет! – с некоторым даже испугом воскликнула Эльвира. – Есть еще кое-что. Кое-что очень важное. Нам необходимо встретиться. Я могла бы подъехать... например, завтра.

Удобно вам? Часов в десять. Или в одиннадцать. Нет, лучше в десять. Я тогда как раз успею на маникюр. А то к этой Жанне такая всегда очередь, как за бесплатным сыром. А у нее, между прочим, совсем даже не бесплатно. Не знаю, кто еще так дорого берет в Москве. Казалось бы, что за премудрость – ногти подстричь. А тем не менее...

– Хорошо, Эльвира, я понял, – перебил даму полковник. – Жду вас завтра в десять утра.

– О! В самом деле? Что ж, это просто отлично! Как приятно общаться с деловым человеком. Все четко и ясно, никаких туманностей и разночтений. Так, значит, в десять?

– Да, можете подъезжать.

– Отлично! До встречи!

Импульсивная дамочка положила трубку, и, слушая короткие гудки, Лев попытался осмыслить, что мог означать этот внезапный звонок.

Даже на допросе, когда с момента ограбления минули считанные дни и все впечатления и воспоминания были еще свежи, Эльвира Батырова не смогла сказать ничего вразумительного. Поэтому сообщение о том, что у нее вдруг откуда-то появились «еще кое-какие очень важные подробности», невольно вызывало сомнение.

«При чем здесь вообще это „еще“? – нахмурившись, думал он. – Если бы в прошлый раз Батырова сказала хоть пару слов в тему, тогда да, тогда еще можно было бы, пускай и с натяжкой, говорить о том, что мадам хочет что-то добавить. Но она и на первом допросе кроме бессмысленного „бла-бла-бла“ ничего не поведала, да и сейчас наверняка заявится с тем же. Чего ей вообще взбрело в голову назначать эту встречу? Хочет перед подружками порисоваться? Вот, мол, что ни день, то на допрос вызывают. Важная свидетельница. Без нее никак».

Странное происшествие выбило из колеи и мешало снова сосредоточиться на деле. Предполагаемое «свидание» казалось бессмысленным и неуместным, а непонятные заикания и явное замешательство Эльвиры при попытках обозначить главную цель будущей встречи не давали покоя и заставляли вновь и вновь возвращаться к воспоминаниям о телефонном разговоре.

Эльвира Батырова, несомненно, относилась к людям, которые, что называется, не лезут за словом в карман. Тот факт, что сейчас эти самые слова она подбирала с таким трудом, явно указывал на волнение и на то, что тема предстоящего разговора для женщины очень важна.

«Что-то сомневаюсь я, что речь пойдет об ограблении, – продолжал размышлять Гуров. – Она и раньше, сразу же после происшествия, не особенно переживала, больше вид делала. А уж стрекотала, как автомат, успевай только записывать. Разве что впустую по большей части, но зато бойко. Такого, чтобы тормозить после каждого слова, на том допросе и в помине не было. А тут – куда что девалось. Прямо все слова девушка перезабыла. В жизни не поверю, что это случай с ограблением вдруг неожиданно так ее разволновал. Через столько-то времени. Вот за каким чертом я ей, спрашивается, понадобился? Тьфу!»

Так и не найдя ответа на ключевой вопрос, Гуров мысленно приказал себе больше не думать о «говорливой дамочке» и снова сосредоточиться на деле. Волевой акт удался, и если не все, то как минимум половину намеченного он выполнил. Материалы по предпоследнему эпизоду многотомного дела были полностью подготовлены для передачи в суд, и в восьмом часу вечера полковник отправился домой.

Вкусный ужин, домашняя атмосфера и вечерние новости по телевизору сгладили впечатления дня, и вскоре Гуров уже не вспоминал о Эльвире Батыровой и ее странной просьбе.

Однако на следующее утро звонок дежурного с проходной напомнил о вчерашнем обещании.

– Лев Иванович, здесь какая-то... гражданка. Она уверяет, что вы назначили ей встречу. Якобы на десять часов.

По тону дежурного было понятно, что экспрессивное поведение «гражданки» произвело на него столь же негативное впечатление, как и на самого Гурова.

– Ах да, – вспомнив вчерашний разговор, досадливо поморщился Лев. – Это... это по ограблению. Потерпевшая. Пропусти, Юра.

– У вас правда назначено? – счел своим долгом еще раз уточнить дежурный.

– Правда, правда. Не волнуйся, это не вражеский диверсант, – чуть усмехнувшись, успокоил Гуров.

В этот момент ему и в голову не могло прийти, как близко к истине было его шутовское замечание и к каким неожиданным и глобальным последствиям приведет непрошенный визит взбалмошной дамочки.

Эльвира Батырова явилась пред очи полковника наподобие некоего луча света, просиявшего в темном царстве, и в строгой обстановке рабочего кабинета сразу воцарилась атмосфера хаоса и легкомыслия.

– Ой, здравствуйте! – сияя оптимизмом и фонтанируя улыбкой, начала гостя. – Как я рада вас видеть! Даже немножко не верится. Вы, такой занятый человек, согласились уделить мне время. Честно говоря, вчера, звоня вам, я ужасно волновалась. Думала, что вы не захотите встречаться со мной, у вас ведь наверняка и без этого дел хватает. А тут еще я со своим звонком.

– Но вы сказали, что хотите сообщить мне что-то очень важное, – напомнил Гуров в надежде перевести разговор в более конкретное русло.

– О! Да! Конечно! Именно, я... то есть... это действительно очень важный вопрос, но...

Видя, что неумная говорунья снова начала «тормозить», лишь только дело дошло до «важного вопроса», Лев с интересом наблюдал за ее живой мимикой, пытаясь угадать, что за всем этим может скрываться.

Гадать ему пришлось недолго. Не удосужившись подготовить дополнительную «легенду» или хотя бы придумать предисловие, постепенно подводящее к главной теме, Эльвира, собравшись с духом, без обиняков выложила главную цель своего неожиданного визита.

– Видите ли, – все так же неуверенно, с трудом подбирая слова, продолжала она. – Дело в том, что... дело не совсем в том ограблении, о котором мы говорили с вами по телефону... Честно говоря, это даже совсем другое дело. Другой вопрос. Но меня попросили, и я подумала... подумала, что вы не откажетесь помочь.

– О чем попросили? – пытливо взглянул на нее Лев.

– Это... одна моя знакомая. Очень солидная, серьезная женщина, у ее мужа совместное предприятие. Кажется, с немцами. Или с испанцами, не помню. Впрочем, не в этом дело. Просто после этого ограбления... вы, наверное, понимаете, это был такой стресс для меня. Разумеется, мне нужно было с кем-то поделиться, излить, так сказать, эмоции, переживания... Так вот, после этого ограбления я встретилась с одной своей подругой, мы посидели в кафе, поговорили, обсудили все это, вспомнили разные другие случаи. Ну, в общем, как это обычно бывает. Я рассказала, что меня даже вызывали на допрос к очень известному следователю. Знаете, вы ведь очень популярны в своей среде, настоящая звезда.

Сказав это, Эльвира улыбнулась так, что сразу становилось понятно: настоящая звезда здесь – это она сама, и именно в ее честь сейчас должны зазвучать аплодисменты.

Но Гуров аплодировать не стал. Ограничившись официальной любезной улыбкой, он всем своим видом выразил готовность слушать дальше.

Немного разочарованная тем, что ее «подарок» не оценили по достоинству, Эльвира продолжала:

– Так вот. Я рассказала, что меня допрашивал сам Гуров, а вчера Лиля позвонила мне и сказала, что одна ее знакомая очень нуждается в квалифицированной уголовной помощи...

то есть... в смысле... я имела в виду, что ей необходима помощь специалиста, опытного в подобных делах, – наконец подобрала подходящую формулировку Эльвира.

– Лиля – это ваша подруга, с которой вы разговаривали в кафе? – уточнил Гуров.

– Да, именно. А с Элеонорой Юрьевной она часто встречается по работе.

– Элеонора Юрьевна, по-видимому, та самая дама, которая нуждается в «уголовной помощи»?

– Да, именно. Лилия – агент, она занимается организацией художественных выставок. А Элеонора Юрьевна... я, честно говоря, не совсем поняла, но она как-то связана с одной из выставочных галерей. То ли заведует, то ли имеет в собственности, Лилия как-то туманно объяснила. Впрочем, не в этом дело. Главное, что вы должны понять, это то, что Элеонора Юрьевна – очень солидная, серьезная женщина, и если уж она говорит, что нуждается в помощи квалифицированного специалиста, значит, дело действительно очень важное.

Слушая Эльвиру, Гуров постепенно начинал догадываться об истинных причинах ее вечернего звонка, и эти догадки вызывали у него досаду и раздражение.

«Вот нахалка! Так это она, значит, решила протекцию уважаемой Элеоноре Юрьевне оказать. Типа, у нее личных знакомых полно в уголовном розыске, и даже „сам Гуров“. Недурно. Особенно если учесть, что мы с ней и виделись-то, собственно, один-единственный раз в жизни. Это она теперь так и будет всех своих подружек ко мне водить? Что там, интересно, у нее случилось, у этой солидной Элеоноры Юрьевны? Любимая болонка потерялась?»

Слушая болтовню Эльвиры, которая уже успела оправиться от смущения и вновь стрекотала, как заведенная, Лев собирался воспользоваться первой же паузой, чтобы сообщить, что частной сыскной практикой не занимается. Он уже составил в уме вежливую, но доходчивую фразу, недвусмысленно объясняющую, что Элеоноре Юрьевне лучше решить свои проблемы официальными путями. Однако очередной словесный пассаж собеседницы снова повернул ситуацию неожиданной стороной, и взлелеянная Гуровым словесная формулировка стала неактуальной.

– ...и, разумеется, Элеонора Юрьевна предварительно собрала справки. Выяснив, что вы – человек безупречной репутации и имеете большой опыт, а значит, и стопроцентную компетентность в подобных вопросах, она решила обратиться к вам. А когда Лилия сказала ей, что одна ее знакомая, то есть я, встречалась с вами лично, она, естественно, не преминула воспользоваться этим и попросила меня... так сказать... походатайствовать... выступить в качестве посредника... – Дойдя до этого деликатного момента, Эльвира снова сконфузилась и начала заикаться, но в итоге все же собралась с духом и выпалила: – И теперь она сидит в машине и с нетерпением ждет вердикта, сможете ли вы поговорить с ней.

– В машине? То есть вы приехали вместе?

Поняв, что милые дамы изначально рассчитывали на то, что упомянутый «вердикт» будет положительным, Гуров мог лишь в очередной раз подивиться неслыханной наглости. Они, по-видимому, всерьез были уверены, что оперуполномоченный по особо важным делам, едва заслышав о том, что у «солидной и серьезной женщины» появились проблемы, бросит эти самые особо важные дела и немедленно переключится на поиски «любимой болонки».

– Да, мы... Я подумала, что, если вы согласитесь, невежливо будет заставлять вас ждать, – извиняющимся тоном пояснила Эльвира. – Поэтому сегодня, когда поехала к вам, на всякий случай захватила с собой Элеонору Юрьевну.

– На всякий случай? – любезно улыбнулся Лев, направив всю силу воли на то, чтобы не расхохотаться в лицо собеседнице. – Какая похвальная предусмотрительность! Что ж, если Элеонора Юрьевна так кстати тоже оказалась здесь, я, разумеется, очень рад буду с ней пообщаться и, если это окажется в моих силах, помочь.

– Ой, правда?! – Глаза Эльвиры засияли восторгом. – Вы поговорите с ней? Ой, как я рада! Честно говоря, когда ехала к вам, я ужасно волновалась. Почти не надеялась, что вы согласитесь. Такой занятый человек... Думала, скажете, что у вас нет времени или еще что-нибудь такое. Обычные отговорки. Но вы... вы просто чудо! Так я спущусь, позову Элеонору Юрьевну?

– Да, конечно, – с той же любезной улыбкой кивнул Гуров, и Эльвира чуть ли не выбежала из кабинета.

Дождаясь появления новой гостьи, Лев был почти уверен, что визит ее не продлится долго. Но, видимо, сегодняшний день был не самым благоприятным для построения точных прогнозов, и предчувствия снова обманули полковника. «Солидная и серьезная женщина» не только задержалась у него в кабинете гораздо дольше, чем он рассчитывал, но, несмотря на всю решимость Гурова обратиться к официальным процедурам, сумела в итоге уговорить его заняться решением своей проблемы.

Элеонора Юрьевна Пригова по возрасту была старше Эльвиры, и ее манера держаться дополнительно подчеркивала солидность и статусность этой важной леди. Когда она появилась в кабинете, Лев с первого взгляда определил, что перед ним действительно серьезная дама, ничего общего не имеющая с вертихвосткой Эльвирой. Пожалуй, она была даже слишком серьезной. Любезная улыбка и приветливое выражение лица гостьи довольно резко контрастировали с напряженным и внимательным выражением глаз, которые пристально смотрели сейчас на полковника, будто хотели прочесть его самые сокровенные мысли. Сам он, тоже внимательно и не без интереса разглядывавший представительную даму, сразу отметил это несоответствие и сделал вывод, что новая посетительница не так проста и, что называется, себе на уме.

– Добрый день! – улыбнувшись еще шире, произнесла Элеонора, когда взаимная «стрельба глазами» закончилась. – Я очень признательна, что вы согласились побеседовать со мной. Дело довольно деликатное. Не знаю, что вам рассказала Эльвира...

– Практически ничего, – не дав ей договорить, ответил Лев. – У меня даже сложилось ощущение, что она вообще не в курсе вашего дела и свою миссию видит единственно в том, чтобы обеспечить вам встречу со мной.

– О! Эльвира, это такой отзывчивый, теплый человек! – с чувством воскликнула Элеонора. – Я знаю, она очень сомневалась в успехе. Очень понятно, что вы с ней вовсе не такие близкие знакомые, чтобы вы стали выполнять какие-то личные просьбы. И тем не менее, едва лишь услышав о том, что у меня возникла серьезная проблема, она как отважный левенок ринулась в бой, чтобы помочь мне. В нашем рациональном мире не часто встретишь такую самоотверженность.

– Что ж, надеюсь, усилия госпожи Батыровой были приложены не зря. Видимо, у вас действительно важное дело, если вы предприняли такую сложную комбинацию, чтобы встретиться со мной неофициально, тогда как существуют давно отработанные и совсем несложные официальные процедуры подачи заявлений.

Гуров не сомневался, что такая женщина, как Элеонора, об «официальных процедурах» прекрасно осведомлена. Поэтому свое первоначальное намерение объяснить чересчур приткой дамочке, как именно следует обращаться в полицию, он оставил сразу же, как только она вошла в кабинет. Понятно, что здесь должны были быть какие-то особые причины именно для неофициального разговора, и сейчас он хотел наконец узнать их.

Косвенно догадку полковника подтвердило и выражение испуга, появившееся на лице Элеоноры, едва лишь он упомянул об официальном порядке.

– Нет, нет, что вы! – чуть ли не в ужасе вскричала чувствительная дама. – Официально – ни в коем случае! Об этом не может быть даже речи! Мы ведь не знаем... Ах, да! Я ведь не рассказала вам. Какая рассеянность! Простите. Я немного волнуюсь. Честно говоря, мне

не так уж часто приходится посещать подобные кабинеты. Сказывается новизна обстановки. Непривычность...

– Да, конечно. Ничего страшного. В этом кабинете многие чувствуют себя некомфортно, – слегка усмехнулся Лев. – Ваше волнение очень понятно. Надеюсь, это скоро пройдет. Вам нужно просто сосредоточиться и рассказать, в чем заключается ваше дело.

– Да... дело, – нахмутив лоб, как бы собираясь с мыслями, медленно проговорила Элеонора. – Дело, собственно, довольно простое. Даже банальное, можно сказать. Пропал человек. Юноша девятнадцати лет. Зовут Костя. Константин Соловьев.

– Это ваш родственник?

– В том-то и дело, что нет. Иногда это вызывает у некоторых недоумение, мол, посторонние люди, какое им дело. Но Костя был очень дружен с моим сыном, я хорошо знала его и именно поэтому так беспокоюсь. Видите ли, там очень неблагоприятная семейная обстановка, плохое влияние... Я очень опасаясь, что его исчезновение может быть связано с какими-то отрицательными событиями, но поэтому мне бы очень не хотелось, чтобы поиски производились официально. Я понимаю, что вы совершенно не обязаны выполнять просьбы частных лиц, и со своей стороны готова компенсировать беспокойство. Вам стоит лишь назвать сумму...

– Давайте пока оставим суммы в покое и поговорим о деле, – спокойно произнес Гуров. – Что вы подразумеваете под «отрицательными событиями»? Вы считаете, что Константину кто-то мог причинить умышленный вред?

– Может быть, ему, а может быть, и он сам, – как-то странно взглянув на полковника, ответила Элеонора. – Мальчик довольно неуравновешенный, вспыльчивый. Он мог натворить что-то... что-то серьезное. А после, придя в себя и сообразив, что сделал, может быть, испугался и рванул куда глаза глядят. Без еды, без денег. С его-то характером. Я очень, очень волнуюсь. У Кости рано умерла мама, а отец... он почти не занимался им, много пил. Ребенок рос, как крапива у дороги. Когда он подружился с Вадимом и стал приходить к нам, я, честно говоря, первое время была просто в шоке. Эти манеры, выражения. Что-то ужасное просто! Но потом понемногу привыкла, да и сам Костя стал постепенно меняться. Ведь пример много значит. Когда ребята оканчивали школу, Костя для меня был уже как родной. Но Вадим уехал, он у нас учится за границей, и мы с Костей стали видеться реже. Точнее, почти совсем не виделись, ведь теперь, в отсутствие друга, у него не было повода приходить в гости.

– А сам Костя чем занялся после школы? Пошел работать?

– Нет, как ни странно, ему тоже удалось поступить в институт, причем далеко не из последних. Университет связи и информатики. Я не очень разбираюсь в таких вещах, но информатика – это, по-моему, перспективное направление. Ведь сейчас век компьютеров.

– Кто же платит за его обучение? Если я правильно понял, семья Кости не имела высокого достатка?

– Ах, ну откуда же мне знать такие подробности! – картинно вскинула брови Элеонора. – Я и про институт-то узнала случайно. Вадик как-то мимоходом обронил. Современная молодежь не особенно-то стремится рассказывать про свои дела. Вот и здесь то же самое. Я беспокоилась, иногда звонила ему, спрашивала. Но он почти ничего не рассказывал. Всегда у него все нормально. А чего нормального, если он в больнице с разбитым лицом лежит.

– В больнице?

– Ну да. Однажды позвонила ему – шутит, смеется, опять у него все нормально. А когда спросила, где, мол, ты сейчас находишься, сказал, что в больнице. Фэйс, говорит, мне ремонтируют, с лестницы, мол, упал. А какая там лестница? Знаю я эту лестницу. Еще в школе, Вадим говорил, самый главный драчун и задира это у них был Костя. Вот поэтому-то я и хотела... хотела просить вас, чтобы все было сделано неофициально, потише как-нибудь, поаккуратнее. В общем, чтобы соблюдалась максимальная конфиденциальность. А что касается вознаграждения – можете даже не сомневаться. Вам стоит лишь назвать сумму...

– Да, я понял. Как давно пропал Костя?

– Три дня назад, – четко отрапортовала Элеонора, как будто во все продолжение разговора только и ждала, когда же ей зададут этот вопрос.

– Вот как? – внимательно взглянул Гуров. – Надо же, какая изумительная точность. Вы созванивались ежедневно?

– Мы?.. То есть... я... Конечно, не ежедневно, но...

Видя, в какое замешательство привел собеседницу этот простой и незатейливый вопрос, Лев в очередной раз подумал, что дамочка чего-то недоговаривает.

Уже когда Элеонора рассказывала про институт, в который, «как ни странно», поступил Костя, он обратил внимание на некоторое несоответствие. С одной стороны, Элеонора утверждала, что по окончании школы парень был ей «как родной», а с другой – выходило, что она совершенно не интересовалась его текущими делами, даже о таком важном событии, как поступление в институт, узнала «случайно».

Что-то здесь не сходилось, и сейчас, наблюдая, как Элеонора мучается, подыскивая подходящее объяснение для очередного несоответствия в своем рассказе, Гуров вновь и вновь возвращался к мысли, что истинные мотивы действий Элеоноры Юрьевны могут быть совершенно иными, чем те, которые она озвучивает.

Между тем дамочка успела собраться с мыслями и найти выход из неловкого положения.

– Дело в том, что как раз три дня назад я позвонила ему, чтобы поинтересоваться, как дела. До этого момента мы не общались, кажется, с неделю или чуть больше. Я старалась не делать слишком больших пауз и периодически связывалась с Костей. Все-таки он мне не чужой человек, и я беспокоилась за его судьбу. Я ведь уже говорила вам, в каком окружении он рос.

– Да, помню. Рано умерла мама, отец выпивал.

– Вот именно. Поэтому я старалась, по возможности, не упускать его из виду, держать ситуацию на контроле. Так вот, как я уже сказала вам, три дня назад я позвонила ему, и Костя не ответил.

– Не взял трубку или был недоступен? – уточнил Лев.

– Именно – недоступен, – взволнованно произнесла Элеонора. – Такого еще ни разу не случилось, чтобы был отключен телефон. Иногда он действительно не брал трубку, но потом всегда перезванивал. Говорил, что не слышал звонка, был далеко от телефона. Но мне-то это в общем-то не важно. Главное – пообщаться с ним, убедиться, что жив-здоров. А тут... Полный ноль, как говорится. «Абонент недоступен», и все. Я подумала, может быть, он далеко от дома, аккумулятор разрядился или еще что-нибудь в этом роде. Перезвонила на второй день. Результат тот же. И вчера. Вчера было то же самое. Тогда я уже начала бить тревогу. Подняла свои знакомства, стала искать варианты, расспрашивать. И вот... добрые люди подсказали. Помогли встретиться с вами, – с обезоруживающей улыбкой завершила свой монолог Элеонора.

– То есть получается, что вы не имеете контакта с Костей четвертый день, но, возможно, он исчез раньше. Правильно я понял? – спросил Гуров.

– Да... возможно, – не очень уверенно произнесла Элеонора. – Возможно, и раньше. Но три дня – это совершенно точно. Без всякого сомнения.

– Кроме отца у парня больше нет родственников?

– Может, и есть, но лично мне о них ничего не известно.

– А друзья, одноклассники? Неужели нет больше ни одного человека, у которого можно было бы навести справки о нем?

– Лично я знала Костю только через сына и виделась с ним, когда он приходил к нам в гости. Больше у меня не было никаких контактов с ним, и какие еще были у него друзья, кроме Вадима, я не знаю. Вполне возможно, это не самый добропорядочный контингент, поэтому я не особенно-то стремилась к знакомству с его друзьями. Так что, если кто-то из них и может дать информацию о Косте, я думаю, гораздо лучше, чтобы с ними пообщался официальный пред-

ставитель правоохранительных органов. Уверена, такому солидному и опытному человеку, как вы, никто не сможет отказать в предоставлении нужных сведений. Конечно, я прекрасно понимаю, что вы совершенно не обязаны выполнять просьбы частных лиц, поэтому и говорю, что готова всячески компенсировать вам затраты времени и прочие хлопоты, связанные с выполнением моей просьбы. Поймите, я очень, очень волнуюсь. В конце концов, мне нужно будет что-то ответить Вадиму, когда он позвонит и спросит о своем друге. И что я смогу ему сказать? Что Костя пропал и я не предприняла никаких мер, чтобы разыскать его? Согласитесь, это совсем не тот ответ, который он захочет услышать. Да и я сама... Поверьте, я действительно серьезно обеспокоена. Ведь произойти могло все, что угодно, учитывая среду, в которой Костя вырос и вращался почти все время, исключая разве что часы, проведенные в нашем доме. Ах, я просто с ума схожу, когда думаю о том, что могло произойти! Воображение рисует самые страшные вещи.

Повествуя о своих волнениях, Элеонора в какой-то момент забыла про чувство меры и начала переигрывать, и это вновь заставило Гурова насторожиться. Он не сомневался, что его собеседница действительно испытывает беспокойство, иначе она не стала бы предпринимать таких решительных мер для того, чтобы встретиться с «официальным представителем правоохранительных органов».

Но сейчас, глядя на почти театральную игру, которую демонстрировала женщина, он вдруг подумал, что сама по себе судьба молодого человека в данном случае, похоже, волнует ее меньше всего. Вероятно, здесь был какой-то личный интерес, связанный с исчезновением этого парня, и Гуров чувствовал неподдельное любопытство, желая узнать, в чем именно этот интерес состоял. Каким образом такая особа, как Элеонора, могла зависеть от девятнадцатилетнего обалдуя, «выросшего и вращавшегося» в нехорошей среде?

– ... именно поэтому мне и приходится так настаивать на конфиденциальности, – между тем говорила она. – Думаю, вы и сами понимаете. Если мальчик действительно совершил что-то... неподобающее, мне не хотелось бы подставлять его, придавать дело официальной огласке. Кто из нас не ошибался в молодости? Стоит ли из-за этого портить ребенку всю дальнейшую жизнь? Если бы вы помогли мне просто найти его, встретиться, поговорить, я уверена, что все разрешилось бы самым наилучшим образом. Мы помогли бы Косте переехать, например, в другой город, компенсировали бы ущербы... Согласитесь, такой вариант был бы гораздо лучше, чем официальное расследование и жестокий судебный приговор.

– А почему вы так уверены, что причина исчезновения Кости в том, что он сделал что-то «неподобающее»? – заинтересованно спросил Лев. – Подобные инциденты уже случались?

– Ну... как вам сказать, – слегка замялась Элеонора. – Я ведь уже говорила, у Кости довольно сложный характер, да и окружение накладывает свой отпечаток. В подробности я не вдавалась, сами понимаете, не всегда удобно расспрашивать о таких вещах, но Вадим говорил, что Костю несколько раз ловили на мелком воровстве, да и в драках он участвовал неоднократно. Вот и случай с больницей, о котором я вам говорила, наверняка из той же серии. Поэтому и приходит в голову все самое худшее. А у вас есть доступ к различным базам данных, ко всевозможной оперативной информации. Как знать, может быть, вы сможете определить, где находился Костя, даже не выходя из своего кабинета, и все мои переживания и волнения сразу же закончатся. Это будет очень человеколюбивый и благородный поступок. И, разумеется, я, со своей стороны, готова всячески компенсировать эти дополнительные хлопоты. Вам стоит лишь назвать сумму...

– Вам известно, где проживал Костя? – спросил Гуров, уже устав реагировать на эти настойчивые предложения о «всяческих компенсациях».

– Насколько я знаю, во время учебы в школе он жил вместе с отцом, – ответила Элеонора. – Это коммуналка в Алексеевском районе. Сейчас... одну минуту... – Она открыла сумочку и, достав оттуда небольшой блокнот, начала озабоченно перелистывать страницы. –

Да, вот. Вот адрес. Я специально записывала себе. Мало ли что. Вот, пожалуйста, – Рижская, девятнадцать, комната восемь. Алексеевский район. Именно этот адрес. Правда, на тот момент, когда он учился в школе, возможно, с того времени он сменил место жительства.

– А сами вы не спрашивали его об этом?

– Ну... как вам сказать, – снова замялась Элеонора. – Я пыталась, но... Знаете, как с ними разговаривать, с этими молодыми. Ты им про свое, они тебе про свое. Максимум, что мне было известно, это то, что с жильем у Кости тоже «все нормально». Других подробностей он не сообщал.

– Понятно. Вы говорили, что у Константина была, как говорится, очень активная жизненная позиция. Вы не в курсе, у него имелись приводы в полицию?

– Кажется, да, – немного подумав, ответила Элеонора. – Помнится, даже в школе был подобный инцидент. Вадим рассказывал мне. Конечно, без подробностей, но тут и без них все было понятно. Костя устроил драку с ребятами из параллельного класса, они что-то там разбили или поломали... Думаю, этот случай не единственный. Учитывая его характер...

«Что же делать с этой хитромудрой мамзелью? – размышлял Гуров, вполуха слушая очередные сетования на сложный характер Кости и неадекватную „среду обитания“. – Послать подальше? Вариант неплохой, но не очень вежливый. Да и теперь, после того как я битый час слушаю ее здесь, уже и нелогичный. Ради чего, спрашивается, потрачено столько времени? Посылать нужно было сразу, не начиная никаких разговоров. А раз уж пустил в кабинет, похоже, все-таки придется взяться за эти „дополнительные хлопоты“, которые она так настойчиво предлагает „компенсировать“. Вот, кстати, еще один очень интересный пункт. Чего она так пристает с этими деньгами? Думает, что это усилит мое рвение? Или надеется, что, получив деньги, я не буду задавать лишних вопросов?»

Лев не верил в то, что главным мотивом Элеоноры является чрезвычайное беспокойство за судьбу этого Кости. Хотя то, что ей необходимо во что бы то ни стало найти его, было совершенно очевидно, и, по мнению полковника, именно этим было обусловлено неподдельное волнение его собеседницы.

Такая раздвоенность порождала дополнительные вопросы и, в сущности, являлась серьезным препятствием для успеха в поисках парня. Но расспрашивать об истинных причинах было бесполезно, если бы мадам имела намерение сообщить о них, она бы сделала это сразу, не утруждая себя выдумыванием неправдоподобных логических комбинаций и не мучаясь в поисках подходящих формулировок при ответе на самые простые вопросы. Но Элеонора предпочла более трудный путь, лишь бы не выдавать свою «главную тайну». Значит, сохранение этой «конфиденциальности» действительно имело для нее важное значение, и настоящую причину своего появления здесь она озвучивать не планирует.

А поиски парня, возможно, действительно окажутся не такими уж сложными. Если он и впрямь такой боевой, возможно, сейчас просто в СИЗО «загорает», поэтому и недоступен для телефонных разговоров. Скорее всего, дело выеденного яйца не стоит.

– Что ж, Элеонора Юрьевна, я, в меру своих сил, попробую помочь вам, – осторожно начал Гуров, вклинившись в первую же паузу очередного нескончаемого монолога собеседницы. – Чудес, конечно, не обещаю, данных, согласитесь, у вас не так много. Но то, что в моих силах, сделаю. Наведу справки, свяжусь с коллегами из смежных ведомств, узнаю, не мелькала ли в криминальной хронике последних дней фамилия Соловьев. Константин Соловьев, я правильно запомнил?

– Да-да, именно. Константин Соловьев, – поспешно подтвердила Элеонора. – Так, значит, вы не отказываетесь? Поможете найти нашего мальчика? – В глазах ее отражались одновременно и страх, и надежда, и по выражению лица можно было подумать, что нахождение этого «мальчика» для нее – вопрос жизни и смерти.

– Я сделаю все, что будет в моих силах, – сдержанно повторил Гуров, в очередной раз подивившись поведению собеседницы.

– Ах, как я вам благодарна! – с чувством произнесла она. – Вы не представляете, что это для меня значит. Ведь у Кости по большому счету никого нет. То есть я имею в виду адекватных, порядочных близких людей. Я чувствую ответственность за него, и сейчас, когда все так... неожиданно обернулось, у меня просто начинает формироваться комплекс вины. Все кажется – вот, упустила, не доглядела. Пожалуйста, помогите найти его! Вы даже не представляете, что сделаете для меня!

– Я постараюсь.

– Если у вас возникнут какие-то сопутствующие расходы или понадобится иная компенсация, сразу же звоните мне. Как я уже сказала, я готова в любом объеме компенсировать дополнительные затраты вашего времени и вообще любые дополнительные затраты. Вам стоит лишь назвать сумму.

– Спасибо, я запомнил. Если такие затраты возникнут, я обязательно позвоню.

Рассыпаясь в улыбках и благодарностях, Элеонора наконец попрощалась и покинула кабинет.

Когда за предприимчивой дамочкой закрылась дверь, Гуров перебрал в памяти основные тезисы ее рассказа, чтобы определить, с какими фактами он может работать, а что можно отбросить как ненужное. Этот анализ в очередной раз заставил его убедиться, что истинный мотив появления Элеоноры в его кабинете не имеет ничего общего с тем, что сама она декларировала в качестве такого мотива.

В чем же здесь фишка? Дамочка очень точно знает некоторые «интимные» подробности из жизни парня, типа сложного характера и приводов в полицию, и в то же время теряется при ответе на самые простые вопросы. Старый адрес и отношения с отцом ей известны до тонкости, а о нынешнем времяпровождении парня она знает лишь то, что он неожиданно поступил в институт, да и об этом услышала «случайно». Может быть, все дело в том, что период ее наиболее «плотного» общения с Костей пришелся на его школьные годы, когда он учился вместе с ее сыном? Ничего не поделаешь, раз все-таки обещал навести справки в смежных ведомствах, придется навести. И первым таким ведомством, разумеется, будет морг.

Глава 2

В том, что Гуров решил начать поиски Константина Соловьева с такого унылого и бесперспективного места, как городские морги, не было ничего удивительного. Первым пунктом в стандартной схеме поиска любого пропавшего человека был поиск среди умерших или убитых. И только в том случае, если среди этого контингента его не оказывалось, имело смысл тратить силы и время на работу по другим направлениям.

Поэтому Лев включил компьютер и потратил полчаса своего рабочего времени на то, чтобы разослать запросы относительно обнаружения трупа девятнадцатилетнего юноши по имени Константин Соловьев. После чего приступил к изучению тех самых «баз данных», о которых упоминала Элеонора, с тем чтобы навести справки и о Константине, да и о ней самой.

Просидев перед монитором еще с полчаса, он выяснил, что Соловьев действительно имел контакты с полицией по поводу нескольких драк и участия в мелком воровстве. Однако это плохое поведение было характерно лишь для того периода, когда он обучался в школе. За последние два года, то есть после того как парень, по утверждению Элеоноры, поступил в институт, данные о «приводах» отсутствовали. Возможно, отсутствие заявлений в полицию объяснялось лишь тем, что с возрастом Костя стал осторожнее и научился избегать последствий своих «шалостей», а вовсе не тем, что он больше не повторял их.

Так или иначе, информация от коллег, на которую надеялся полковник, в данном случае вряд ли могла кардинально облегчить поиски. Пик «общения» с полицией у Соловьева был пройден достаточно давно, и, если в ближайшее время не было зафиксировано никаких происшествий с его участием, обращение за помощью к коллегам представлялось малоперспективным. Вероятно, полезнее будет пообщаться с жителями коммуналки в Алексеевском районе. Даже если этот Костя сейчас не живет там, все равно на Рижской улице, девятнадцать, он провел большую часть своей пока еще не слишком длинной жизни.

Определившись с дальнейшими действиями по поводу пропавшего юноши, Гуров сосредоточился на мадам Приговой.

Сведения, которые ему удалось найти, оказались весьма интересными и полностью подтверждали неоднократно повторенное утверждение Эльвиры Батыровой о том, что Элеонора Юрьевна – женщина весьма серьезная и солидная.

Впрочем, сама она, по всей видимости, больше пользовалась преимуществами авторитета, чем создавала их. Основой благосостояния и нерушимой «солидности» этой семьи был супруг Элеоноры. Максим Леонидович Пригов вместе с компаньонами владел несколькими предприятиями, изготавливающими высокотехнологичные комплектующие для автомобилей. Компьютерная «начинка» кроме России поставлялась еще в несколько стран, на территории которых производилась сборка наиболее популярных моделей, и дело, несомненно, приносило владельцам очень неплохие дивиденды.

По-видимому, именно это и позволяло супруге Пригова посвящать свое время вещам, гораздо более приятным и возвышенным, чем неромантичные и рутинные автожелезки. Элеонора Юрьевна владела небольшой частной галереей, где выставляли свои работы знаменитые и не очень знаменитые художники, а также время от времени проходили разнообразные гламурные мероприятия.

Это объясняло, откуда взялась «агент Лиля», познакомившая Эльвиру и Элеонору, однако оставляло открытым вопрос о связях Элеоноры и Кости. Мальчик из коммуналки вряд ли мог по жизни пересекаться с этой гламурной и избалованной дамочкой. Общая школа и дружба с одноклассником – это, пожалуй, единственная щель, откуда юноша типа Кости Соловьева мог просочиться в такую семью, как Приговы. Но и это казалось странным. Получалось, что сынок Элеоноры Приговой учился в обычной школе с обычными детьми, типа всяких там

Соловьевых? К тому же коммуналка располагалась в Алексеевском районе, а Приговы жили в Сокольниках, и тот факт, что Вадим Пригов и Константин Соловьев учились в одной школе, тоже вызывал недоумение.

Увлеченный разгадыванием всех этих загадок, полковник позабыл о времени. Нечаянно взглянув на часы, он понял, что если так пойдет дальше, то весь его сегодняшний рабочий день будет посвящен Элеоноре Приговой, и переключился на текущие дела, которых у него, как всегда, хватало и без дополнительных «поручений».

Только в восьмом часу Лев посчитал, что его прямые профессиональные обязанности на сегодня выполнены и он может стартовать в направлении коммуналки, расположенной на Рижской улице.

Восьмая комната находилась на первом этаже, так что далеко ходить Гурову не пришлось. Более того, очень скоро выяснилось, что ему даже не придется задавать слишком много вопросов. Дружная компания, которую он обнаружил на кухне, в полном составе была подшофе и благодаря этому проявляла чрезвычайную общительность и словоохотливость.

– Соловьев? – с любопытством осматривая новоприбывшего, переспрашивал худощавый дедок в обвисших на костлявом заду трениках. – Это вам Петровича, что ли? Так вон он, в своей комнате. А он вам зачем?

– Разговор есть, – уклончиво ответил Гуров. – Вообще-то мне сын его нужен. Я подумал, может быть, он...

– Разговор? – лукаво усмехнувшись, перебил дедок. – Хе-хе... Да нет, мил человек, к разговорам наш Петрович сейчас непригоден. Перебрал маленько, отсыпается. Подождать нужно.

– А что за праздник? – в свою очередь улыбнулся Гуров, чтобы поддержать контакт.

– Да нет, какой праздник, – чуть смутившись, проговорил дедок. – Просто...

– Трубу железную где-то спер, – весело подсказал из глубин кухни молодой голос. – Сдали ее с Геной в металлолом, забогатели. Ну, и упились, как черти, само собой. Генка-то помоложе, на своих двоих домой пополз, а Петрович прямо тут, не отходя от кассы, как говорится, вырубился. Теперь до завтрашнего утра к нему даже подходить бесполезно.

– Вот оно как, – разочарованно протянул Лев. – Не повезло. А я было подумал, что он...

– А вы чего хотели-то? – в свою очередь полюбопытствовал парень, рассказавший про трубу. – Вы из ЖЭКа, что ли?

– Нет, я...

– Нет? А, тогда ладно. А то к нему уже несколько раз приходили. Все грозятся в суд подать. Они, понимаешь, коммунальные услуги оказывают, а он, гад, не платит.

Сказав это, парень хохотнул и его дружно поддержала вся компания.

– А давно не платит? – поинтересовался Гуров, когда лошадиный гогот немного стих.

– Да уж сто лет! – улыбаясь, сообщил парень. – По-моему, он вообще никогда за эту комнату не платил. Я, говорит, необеспеченный слой. То все Костиком прикрывался, у меня, говорит, несовершеннолетний ребенок на иждивении. А теперь просто так не платит, без причин. Просто потому, что необеспеченный.

– Я как раз по поводу Кости, – поспешил Гуров ухватиться за подходящее слово. – Подумал, может быть...

– По поводу Кости? – перестав улыбаться, подозрительно взглянул парень. – А вы не из «ментовки» случайно? Да нет, у нас вроде таких нет, – продолжал он, внимательно осматривая Гурова. – Я уж участков всех знаю.

Тот факт, что упоминание о Косте сразу же вызвало у собеседника ассоциации с «ментовкой», чрезвычайно заинтересовал Льва. Решив, что при умелом подходе здесь и впрямь можно будет получить интересную информацию, он продолжил разговор:

– Нет, я не из полиции, я... из института. Куратор группы, где учится Константин. Его уже несколько дней нет на занятиях, так что я подумал...

– А, тогда ладно. А то раньше к нам участковый постоянно захаживал. Точнее – к ним, – снова хохотнул парень. – То к папке, то к сынку. Чуть не каждую неделю какое-нибудь событие у них случалось. То скандал, то драка.

– То сопрут чего-нибудь, – с усмешкой добавил дедок в трениках.

– Да, или это, – подтвердил парень. – Всякое бывало. Петрович даже как-то раз в изоляторе у них гостил. Недолго, правда, дня три подержали, потом выпустили.

– Что, доказательств не нашли?

– А кто их знает? Он не рассказывал. Матерился только. Хе-хе. А вы, значит, из института?

– Да, я...

– Понятно. Только если вам Костик нужен, это вы не по адресу. Не живет он с папкой-то. Школу окончил и сразу слинял отсюда, только его и видели. Теперь и носу не кажет.

– Что, с отцом вообще не общается?

– А чего им общаться? Как кошка с собакой жили. Еще когда на трезвую, ничего, а как Петрович поддаст, так просто хоть караул кричи. Как начнет его гонять, этого «иждивенца» своего, просто дым столбом стоит. Костик, пока маленький был, еще терпел, а когда в возраст вошел, так и отвечать начал. Он и драться-то, считай, дома научился. На стороне-то уж потом «практиковаться» стал, а то все с Петровичем упражнялся.

– Мама у Кости, насколько я знаю, умерла рано? – спросил Гуров.

– Да, недолго прожила Галя, – вместо веселого парня ответил дедок в трениках. – С таким сокровищем, как Игорек, долго не протянешь.

– Кто это, Игорек? – с недоумением спросил Гуров.

– Ну как же! Игорек, Игорь Петрович наш, уважаемый. Вы ведь про него спрашиваете?

– Да, конечно. Я просто не знал, как зовут. Значит, с сыном они не очень ладили?

– Совсем не ладили, – подтвердил дедок. – Так что он, как школу окончил, так и съехал отсюда, это Миша вам правильно сказал. А чего? Я считаю – молодец. Что он здесь хорошего видел? Скандалы да драки. А там...

– Где «там»? – снова ухватился за нужное слово Гуров. – Костя сообщил свой новый адрес?

– Да кому тут сообщать? Папку своего он в гости точно не ждал, а так... Дружки, может быть, знали, а здесь... здесь, кажется, никто. А, Миша? Не слыхал ты, куда Костик свалил?

– Не, не слыхал, – отозвался смешливый парень. – Он, кажется, вообще никому не говорил. Законспирировался.

– Ну и правильно. А чего? У него теперь другая жизнь, институт, учеба. Чего ему с нами здесь... А вы правда из института? – в свою очередь изучающе оглядывая Гурова, поинтересовался дедок. – Вот молодец он, Костик-то. Как сразу широко шагнул. Мы сначала и не поверили было. А вот смотри-ка ты... Значит, и правда поступил.

Этот небольшой монолог показал полковнику, что о текущих делах Константина Соловьева расспрашивать жителей коммуналки бесполезно. По-видимому, после поступления в институт он действительно решил порвать все старые связи и начать «другую жизнь». И даже если что-то в этой жизни не заладилось, отец наверняка был последним человеком, с которым Костя захотел бы поделиться проблемой. Судя по тому, в какой обстановке прошли его детство и юность, не приходится удивляться тому, что у него «сложный характер». И понятно, почему парень поспешил убраться отсюда. Сменить среду обитания наверняка было в его интересах. Только вот для интересов дела это не очень хорошо. Куда, спрашивается, он мог переехать? И кому теперь можно задать этот вопрос?

– Вы упомянули о дружках Кости, которым могло бы быть известно его новое место жительства, – обратился Лев к деду в трениках. – Что это за дружки? Могу я поговорить с кем-нибудь из них?

– Дружки-то? – будто припоминая, прищурился тот. – Да кто их знает. Они тут редко бывали. Он и сам-то, Костик, считай, только ночевать приходил. Особенно в последнее время. Все пропадал где-то. Может, в институт готовился или что.

– Получается, что здесь, в доме, у Кости друзей не было? – удивленно взглянул Гуров.

– Почему не было? Были... знакомые. Только он когда в эту свою математическую школу перешел, больше с тамошними стал общаться. Она далеко, школа-то. Пока доедет, пока придет. Так что с нашими местными дружить-то уж и некогда стало.

– Математическую школу? – Удивление Гурова возрастало все больше.

– Ну да. Математическая или физическая, не знаю, как там правильно. С уклоном. Вот бывают с иностранным уклоном школы, это где языки изучают, а эта техническая была. Такая, где на математику налегают, на физику всякую.

– То есть вы хотите сказать, что Костя учился в спецшколе?

– Ну да. После пятого класса его туда направили, больно уж задачки на олимпиадах шустро решал. Он, Костик-то, парень ничего, башковитый. Вот и в институт поступил. Даром что отец пьет. Петровичу-то все это, конечно, до лампочки было. Математическая школа, не математическая – без разницы. А сам Костик, он ничего, старался. Вот и в институт поступил. Да вы, наверное, и сами знаете, если говорите, что оттуда пришли.

– Да, конечно, – рассеянно ответил Гуров, думая о своем.

«Какая, однако же, разносторонняя личность этот Костик. Везде поспел. И в драках поучаствовать, и в спецшколе поучиться сподобился. Вот и в институт поступил. Просто вундеркинд какой-то. Что ж, со школой теперь все понятно. Похоже, дело не в том, что мажорный сынок гламурной дамочки непонятно каким образом затесался в обычную школу, а в том, что парень из „низов“ волею случая угодил в престижное заведение. В пятом классе особенности его „дурного характера“, наверное, еще не были так заметны. Хотя тот факт, что и, заметив эти особенности, из школы его не вытурили, тоже довольно красноречив. Видимо, у парня действительно были неплохие способности, если, несмотря на „антисоциальное поведение“, его все-таки терпели. Впрочем, может быть, тут Элеонора Юрьевна сыграла определенную роль? Если Костя и правда был так дружен с ее сыном, она вполне могла походатайствовать».

Новая информация была интересной и полезной, однако никаких указаний на то, где нужно искать Костю, не содержала.

Сопоставив факты, Гуров решил, что пресловутая «математическая школа», скорее всего, находилась в Сокольниках, возможно, даже недалеко от района, где проживали Приговы. Поняв, что для продолжения поисков ему вновь необходимо провести некоторое время за компьютером, Лев взглянул на часы, попрощался с жильцами коммуналки и поехал домой.

Был уже поздний вечер, он чувствовал усталость после напряженного дня и дополнительные «бонусы», вроде необходимости заниматься поисками юношей из неблагополучных семей, отнюдь не вызывали радостного оптимизма. Но странное дело заинтересовало полковника, и, продвигаясь по вечерним трассам, он невольно возвращался к мыслям о Константине Соловьеве.

То, что он успел узнать о парне, характеризовало его как личность хоть и не слишком законопослушную, но, несомненно, волевою и нестандартную. Уже одно то, что, не имея перед глазами никаких «вдохновляющих примеров», он не пошел по стопам отца, говорило о многом. Вся обстановка его жизни с малых лет склоняла к тому, чтобы, подобно другим обитателям коммунальной квартиры, предаваться блаженному ничегонеделанию и проводить свой

досуг за бутылкой. Тем не менее он не пошел по этому пути и, еще будучи школьником, смог использовать предоставленный шанс, чтобы выйти на более перспективную дорогу.

Значит, характер и «воля к победе» у парня имелись. Другое дело – какую направленность с годами приобрела эта воля.

«У мальчика ни кола, ни двора, финансовый вопрос наверняка стоял очень остро, – размышлял Гуров. – Если он не живет дома, значит, снимает квартиру, это, конечно же, требует денег, даже если снять одну на несколько человек. Он ведь не иногородний, общежитие ему не полагается. Плюс плата за обучение, плюс покушать-одеться, плюс карманные расходы... В итоге наверняка набегает вполне себе внятная сумма, которую откуда-то нужно добывать. А если добавить сюда ночные клубы и девочек, что вполне естественно в этом возрасте, так и вообще в астрономические цифры выльется. Откуда, спрашивается, у вчерашнего школьника из коммуналки могут быть такие деньги? Непонятно. С другой стороны, заявлений на него в последние два года тоже не зафиксировано. Значит, с законом ладит. По крайней мере, согласно официальным данным. Может быть, по молодости и неопытности парень влез в какие-нибудь „организованно-криминальные“ структуры и там проштрафился? Тогда это внезапное исчезновение объяснимо. Хотя объяснение, конечно, будет не самым приятным».

Тут Лев вспомнил о разосланных в морги запросах и посетовал, что вечером ему так и не удалось добраться до кабинета. Ради экономии времени он отправился на улицу Рижскую, не заезжая в Управление.

«Ладно, посмотрю завтра утром, – решил полковник. – В конце концов, может быть, к вечеру еще не все сориентировались с ответами. А уж завтра наверняка будет полная картина».

Кроме ответов из городских моргов он наметил для себя еще один пункт, откуда нужно будет получить информацию завтра утром.

Даже если ответ на вопрос о том, жив ли еще Константин Соловьев, окажется отрицательным, выяснить обстоятельства его исчезновения все равно было необходимо. В этом случае, возможно, даже более необходимо, чем в каком-либо другом. Пропажа человека как таковая могла быть обусловлена разными обстоятельствами, но труп – это уже однозначный криминал. Если есть труп, значит, должен быть и убийца, а это предполагает серьезное официальное расследование.

Поэтому независимо от того, какими будут ответы на его запросы, Лев намеревался выяснить, в какой именно школе «с уклоном» обучался парень, и побывать там. Куда мог исчезнуть Костя, выяснить пока было сложно, но получить сведения о том, где он проживал, уйдя от отца, было вполне реально. И помочь в этом наверняка могли учителя и одноклассники.

Приехав домой и перекусив, Лев включил ноутбук и углубился в изучение карты Сокольников и расположенных в этом районе учебных заведений. Дополнительным «маячком» в этих поисках был адрес Приговых. Интуиция подсказывала, что заботливые родители старались подыскать для любимого чада «приличное заведение» где-нибудь неподалеку от дома.

Однако, изучив имевшуюся в интернете информацию, Гуров выяснил, что ни математических, ни физических школ в той местности, где проживали Приговы, не имеется. Единственным заведением, близким к упомянутой коммунальным дедом области знания, была школа с углубленным изучением информатики. Она располагалась в двух кварталах от дома Приговых, и этот факт вполне мог указывать на то, что Вадим Пригов, а соответственно, и Константин Соловьев обучались именно в этом заведении.

Припомнив, в какой именно вуз, по словам Элеоноры, поступил Костя, Гуров окончательно утвердился в мысли, что после пятого класса парень перешел именно в эту школу, а не в математическую или с физическим уклоном.

На следующее утро, после традиционного совещания в кабинете начальства, Лев поспешил в свой кабинет, чтобы узнать наконец, какие ответы пришли на его запросы.

Очень скоро выяснилось, что все они до единого отрицательные. Для надежности полковник запрашивал информацию не за три последних дня, о которых говорила Элеонора, а за всю прошедшую неделю. Но, если верить присланным сообщениям, в этот период неопознанных трупов девятнадцатилетних юношей обнаружено не было. Среди опознанных имя Константин Соловьев тоже не фигурировало.

Этот факт со всей очевидностью указывал, что нужно продолжать поиски, и Гуров отправился в Сокольники на встречу с руководством спецшколы.

Приговы жили на улице Короленко, а специализированное учебное заведение «с уклоном» располагалось на Русаковской. Притормозив возле школы, Лев вышел из машины и направился к главному входу. Он решил, что в данном случае нет необходимости придумывать какую-то «легенду», объясняющую его появление здесь. «Сложный характер» Кости и неоднократные «приводы» делали необязательным сохранение инкогнито и давали возможность вести разговор официально.

В соответствии с требованиями современных реалий в вестибюле школы располагалась обязательная охрана. Предъявив удостоверение, Гуров сказал, что ему необходимо поговорить с директором.

– С Тамарой Михайловной? – вопросительно и настороженно рассматривая его, переспросил охранник, дюжий молодой парень с пухлыми губами и длинными густыми ресницами.

– Да, по-видимому, с ней, – ответил Лев, которому имя директора не было известно.

– Ее кабинет на втором этаже. Если хотите, я узнаю. Может быть, у нее сейчас занятия.

Тревожное выражение не сходило с лица парня, ему явно хотелось предупредить любимое руководство о надвигающейся опасности, но он не знал, как это сделать.

– Спасибо, не нужно, – отказался от предложенной любезности Гуров, проходя через турникет. – Я разберусь.

Поднявшись по лестнице, он без труда нашел дверь с надписью «Приемная» и, войдя, обнаружил в «предбаннике» молоденькую секретаршу.

– Добрый день. Тамара Михайловна у себя? – вежливо поинтересовался полковник.

– Да. А вы по какому вопросу?

– По личному, – ответил он и, поднеся к глазам девушки развернутое удостоверение, без лишних слов прошел в директорский кабинет.

Там за большим столом с оргтехникой и невероятным количеством каких-то бумаг сидела хрупкая темноглазая женщина, сосредоточенно изучавшая один из лежавших на столе документов.

– Здравствуйте, я бы хотел поговорить об одном из ваших выпускников. Константин Соловьев, он учился здесь. Окончил школу два года назад.

Говоря это, Гуров в очередной раз предъявил удостоверение. Когда Тамара Михайловна прочитала фразу «уполномоченный по особо важным делам», на лице ее появилось такое же вопросительное и испуганное выражение, как и у молодого охранника.

– Что он натворил? – подняв на Гурова встревоженный взгляд, проговорила она.

– Возможно, что ничего, – поспешил успокоить Лев. – Костя просто пропал с радаров, и я пытаюсь выяснить, что могло произойти. Родственников, по-видимому, не очень интересует его судьба, беспокойство проявили посторонние люди. Мама его одноклассника обратилась ко мне с просьбой помочь отыскать этого молодого человека. Выяснилось, что никому даже неизвестно толком, где он проживает, поэтому я решил начать с самого начала и попробовать связаться со школьными друзьями Кости. Может быть, с кем-то из них он сохранил контакты.

По мере того, как полковник продолжал свою речь, Тамара Михайловна становилась спокойнее, но ее первая реакция была весьма характерной.

«Уже второй раз при упоминании имени этого Кости у собеседника возникает устойчивая ассоциация с неким эксцессом, – подумал Лев, припоминая недавний разговор в комму-

налке. – И этот парень сразу же решил, что я „из ментовки“, как будто это единственное место, откуда могут прийти за Костей. Да и директриса при одном лишь упоминании этого имени сразу же предположила, что он что-то „натворил“. Не выиграл олимпиаду, не уехал учиться в Гарвард, а именно сделал что-то нехорошее, отметился в криминале. Интересная тенденция, однако».

– Да, Костя мальчик сложный, – между тем говорила Тамара Михайловна. – Способный, конечно, но... Проблемы случались. Особенно в выпускных классах. В этом возрасте все они такие взрослые. Убеждать бесполезно, все сами знают. Так, значит, он пропал?

– Пропал, – подтвердил Лев. – Несколько дней до него не могут дозвониться. Я ездил в Алексеевский район, где он зарегистрирован, но там мне сказали, что Костя разъехался с отцом сразу же после того, как окончил школу, и с тех пор там даже не появлялся.

– И правильно сделал. Ничего хорошего не было в этой коммуналке с его отцом, одно лишь влияние дурное. Может быть, если бы мальчик имел возможность съехать оттуда раньше, у него бы совсем другая судьба была. А так... Впрочем, вам, наверное, лучше поговорить обо всем этом с Ириной Владимировной. Это классный руководитель Кости. Бывший, разумеется. Она ближе знала всю эту обстановку и, конечно, гораздо лучше, чем я, сможет рассказать вам про все нюансы. Может, даже подскажет, куда он мог переехать. Значит, дело не в том, что он... замечен в каких-то неблагоприятных действиях? – со всей возможной деликатностью еще раз уточнила Тамара Михайловна.

– Нет, о неблагоприятных действиях речь пока не идет, – вновь поспешил успокоить Гуров. – Парень просто не выходит на связь, и, к счастью, нашлись люди, которых это обеспокоило. Вполне возможно, вся история окажется безобидным случаем с потерей телефона.

– Да, это, конечно, было бы лучше всего, – не очень уверенно произнесла директриса. – Так вы поговорите с Ириной Владимировной?

– Да, конечно. Если она сможет дать какую-то информацию о том, где сейчас может находиться Костя, это будет просто отлично.

– Что ж, тогда пройдите прямо в учительскую, у нее сейчас нет занятий, свободное «окошко», вот и сможете поговорить. Хотя... в учительской сейчас и другие учителя, вам, наверное, будет неудобно. Где бы... Впрочем, ладно. Если хотите, можете побеседовать в моем кабинете. Я сейчас все равно собиралась уходить. Одну минуту, я сейчас позвоню, приглашу ее сюда.

– Спасибо, вы очень добры, – совершенно искренне поблагодарил Лев. Ему и самому совсем не хотелось обсуждать такие деликатные вопросы в присутствии «других учителей».

После непродолжительных телефонных переговоров в кабинете появилась еще одна дама. Это была уже пожилая женщина с уставшим лицом, на котором сейчас, по установившейся уже традиции, выразался испуг.

– Что-то случилось? – озабоченно говорила она, обращаясь к директрисе.

– Будем надеяться, что ничего, – неуверенно улыбнулась та. – Вот полицейский, о котором я вам говорила, – кивнула она в сторону Гурова. – Пообщайтесь с ним, а я побегу. В муниципии назначили встречу, может быть, решим уже наконец-то вопрос с ремонтом.

– Удачи!

Проводив взглядом директрису, Ирина Владимировна вопросительно взглянула на полковника, и тот, сразу поняв этот взгляд, поспешил представиться:

– Гуров Лев Иванович, полковник Главного управления уголовного розыска. Я пытаюсь определить, где сейчас может находиться Константин Соловьев. Если я правильно понял, вы были его классным руководителем?

– Да, Костя учился у меня. Правда, не сначала. Он перешел к нам в пятом классе после городской олимпиады. Мальчик показал очень хорошие результаты, его заметили, да и учителя очень активно ходатайствовали о переводе.

– Эти рекомендации оправдались?

– Да, способности у него оказались просто блестящие. Но вот поведение...

– Эти блестящие способности Костя проявлял в области информационных технологий, я правильно понял? Информатика, компьютерное программирование, ведь ваша школа специализируется именно в этом направлении?

– Да, именно так. Костя был одним из лучших. Несмотря на то что пришел к нам уже, как говорится, в «зрелом возрасте», он очень скоро вышел на уровень первых учеников, стал «звездой», как любят сейчас говорить.

– В «зрелом возрасте»? – чуть усмехнувшись, переспросил Гуров.

– Разумеется, это относительно. Пятый класс – это, конечно же, еще дети, но определенные способности обычно проявляются в очень раннем возрасте. Поэтому пятый класс – это уже немного поздно, но, учитывая рекомендации, о которых я упоминала, и, разумеется, результаты, которые показывал сам Костя, мы приняли положительное решение.

– Однако поведение у него, если я правильно понял, оказалось... непростым? – постарался как можно деликатнее сформулировать вопрос Гуров.

– Да, это... поведение, это вопрос, как говорится, совершенно отдельный, – усмехнулась Ирина Владимировна. – Впрочем, поначалу все шло хорошо. Обычный активный мальчик. Немножко шумный и необузданный, но в этом возрасте все они такие. Так что первым несколькими дракам, которые он устроил, мы не придали значения. Мальчишки, что с них взять, они всегда дерутся. Но потом дело пошло по нарастающей, родители одного мальчика после очередного инцидента пожаловались в полицию, и с этого момента спокойная жизнь у нас закончилась. Можно сказать, буквально до самого выпускного я находилась в постоянном стрессе по поводу этих его «всплесков». Да, именно так. Очень импульсивный мальчик, никогда не знаешь, чего ждать в следующую минуту. На занятиях, если ему интересно, был спокойным и сосредоточенным. Но если предмет не нравился или если перемена – могло произойти все, что угодно.

– Вы сказали, что родители одного из мальчиков после какого-то инцидента жаловались в полицию. Что это был за инцидент?

– Драка, как обычно. Что-то там ему не понравилось, стал приставать, задирается. Тот ответил. Ну, и в результате... В общем-то они оба были хорошо отделаны, и синяки, и кровь, все это было обоюдно и приблизительно в одинаковых «дозах». Но у того семья со связями, а за Костю заступиться было некому, так что виноватым оказался он.

– Но ведь и начал все это он, если я правильно понял. Может быть, претензии мамы второго мальчика отчасти были справедливы.

– Да, наверное. Просто... Видите ли, когда постоянно общаешься с детьми, привыкаешь к ним, уже сложно относиться как к посторонним. Конечно, Костя был мальчик сложный, и все время с ним возникали какие-то неприятности, но... Не знаю, как другие, но мне почему-то всегда было жалко его. Ведь способности у парня действительно выдающиеся. Он мог бы стать ведущим программистом в какой-нибудь серьезной фирме или даже создать что-то свое. Но беда в том, что кроме этих самых личных способностей у него не было больше абсолютно ничего. Ни какого-то семейного капитала, который позволил бы стартовать с собственным бизнесом, ни связей или приличных родственников, которые могли бы оказать протекцию и пристроить в чей-то чужой серьезный бизнес. Поэтому у меня лично этот мальчик вызывал скорее сочувствие, чем недовольство. Наверное, он и сам понимал свое положение, и, может быть, именно это отчасти было причиной агрессии в отношении более успешных и «упакованных» сотоварищей.

– С какого времени это стало проявляться особенно заметно?

– Где-то в девятом-десятом классах. Обычно к этому времени большинство уже успевают «перебеситься» и ведут себя более спокойно. В предчувствии окончания школы ребята задумываются

мываются о будущем, начинают строить планы. В общем, взрослеют. А у Кости этот процесс затормозился – то же легкомыслие, та же мальчишеская бесшабашность, вот и получалось... Сначала, как уже говорила, мы не заикливались на этом, но, когда случаи стали раз от раза повторяться, пришлось более подробно познакомиться с домашней жизнью мальчика, узнать, в каких условиях ему приходится существовать. Ну и... узнали.

– В этой школе, наверное, в основном учатся дети обеспеченных родителей?

– Как вам сказать? Есть и обеспеченные, есть и, что называется, средний класс. Все-таки мы стараемся набирать детей по способностям.

– Но даже из среднего класса таких, как Костя, у вас, наверное, было немного?

– Да, он был исключением просто во всем, – снова усмехнулась Ирина Владимировна. – Воплощение единства и борьбы противоположностей. Самый высокий уровень способностей и самый низкий, так сказать, социальный статус, способность к сиюминутной полнейшей концентрации при решении задачи, которая его увлекает и интересна, и рядом с этим – самая непростительная расслабленность и легкомыслие, когда требуется решать вопросы, необходимые, но скучные или рутинные. Из-за этого Костя и учился очень неровно. Математика, даже сложные ее разделы, шла у него на ура, про наши «профилирующие» предметы и говорить нечего, здесь он вообще был одним из лучших. А что до остального – физики, биологии или того же русского языка – полнейшее равнодушие, лень и, как следствие, всегда очень средние оценки.

Костя, видимо, думал, что благодаря своим выдающимся способностям в один прекрасный день он и без пятерки по физике вполне успешно сможет поймать фортуна за хвост. Такая, знаете ли, наивная вера в чудо. Сейчас подобное отношение к жизни очень активно внушается с экрана и из интернета. Подростки легко клюют на это, ведь они еще не имеют опыта и не успели на практике убедиться, что для достижения результата всегда приходится прилагать усилия. Вот и Костя. Он тоже, кажется, думал, что все главные жизненные бонусы получит без труда, стоит лишь попасть в нужное место в нужное время. Он частенько это говорил. Но на практике выходило так, что попадал чаще всего в какие-нибудь неприглядные истории.

– Кроме того случая, когда на него заявила мать другого ученика, у него были еще контакты с полицией?

– Да, и, я думаю, нередко. Но в стенах школы он больше не устраивал крупных «побоищ». После той драки был большой скандал, уж мамаша постаралась. Она требовала исключить Костю, грозила забрать сына, если мы не выполним ее требование. Дескать, тот не может учиться в одном заведении с «малолетним садистом». Еле-еле удалось утихомирить ее. Чего только мы с Тамарой Михайловной не делали, чего только ей не говорили! В конце концов сошлись на том, что оставим мальчика на испытательный срок и, если что-то подобное вновь повторится, тогда уже точно исключим. И с Костей тоже я в тот раз поговорила очень серьезно. После этого он и присмирел, не стал так открыто проявлять свой темперамент. Но участковый из того района, где он жил, навещал меня регулярно, так что я сделала вывод, что Костя не прекратил свои выходки, а просто перенес их в другое место.

– Если не ошибаюсь, во время учебы он жил с отцом? В коммуналке на Рижской? – посчитал нужным уточнить Гуров.

– Да, именно там. А почему вы так сказали – «жил»? Что, он переехал оттуда?

– По-видимому, да. Но вот куда он мог переехать и где находится в данный момент – это для всех большая загадка. Как выяснилось, после перевода в вашу школу Костя почти прекратил общение с ребятами, живущими по соседству. Так что близких друзей в этой самой коммуналке у него не было, а с отцом он, как вы, наверное, и сами знаете, тоже общался весьма напряженно.

– Да, это мне известно. И участковый говорил, что со своим папашей Костя воюет едва ли не чаще, чем с разными сторонними лицами. Так что первый опыт такого антисоциального

поведения, по-видимому, был приобретен в семье. Хотя как мальчик неглупый Костя отлично умел сдерживать себя и быть настоящим паинькой в тех случаях, когда это было нужно ему или в каком-то смысле выгодно. Тогда он превращался в улыбчивого, во всем послушного и со всем согласного мальчика, становился мягче воска, и казалось, что любой, кто захочет, может из него без труда веревки вить. Тот, кто не знал другую сторону его натуры, наверняка и представить себе не мог, из какой социальной среды явился этот «ангел». Но я... мне оставалось только бесконечно удивляться разнообразию его способностей.

– Единство и борьба противоположностей? – понимающе взглянул Гуров.

– Именно так, – улыбнулась Ирина Владимировна. – И, пожалуй, именно это разнообразие давало надежду, что перед мальчиком все-таки два пути, а не тот единственный, который предопределен примером его отца. Поэтому мы и боролись так за него. Ведь эта школа – пусть небольшой, но все-таки шанс в его жизни. Престижное заведение, хороший диплом. А если бы мы исключили его, тогда его дальнейшая судьба уже совершенно однозначно повторила бы судьбу ближайшего родственника. Просто совесть не позволяла своими руками толкнуть ребенка на эту дорожку.

«Вот оно как, – слушая учительницу, думал Гуров. – То есть, получается, тот факт, что Костя все-таки окончил эту школу, даже несмотря на все разнообразие его „способностей“, это заслуга классного руководителя и директора. Уважаемая Элеонора Юрьевна здесь, по-видимому, совершенно ни при чем. Что ж, вот и еще один фактик в пользу того, что как таковой Константин Соловьев интересовал ее очень мало. Тем не менее найти этого Костю ей необходимо во что бы то ни стало. Стоит только вспомнить, с каким чувством говорила она о том, как это для нее важно. Мотивировала, правда, по-своему, но это уже детали. Главная тема все равно прозвучала вполне недвусмысленно – дамочка сделает все, чтобы добиться своей цели. Мне стоит лишь назвать сумму».

Усмехнувшись последней мысли, Гуров вновь обратился к собеседнице:

– Вы упоминали, что вас довольно часто навещал участковый. Не припомните, как его звали? Возможно, мне будет полезно встретиться с ним. Информации сейчас так мало, ценен любой источник.

– Имя? Как же, прекрасно помню. Алексей. Алексей Широков. Отчество вот, правда, забыла, – чуть улыбнувшись, добавила Ирина Владимировна. – Он называл, но я как-то не зафиксировала. Мальчик-то молодой совсем, наверное, ненамного старше Кости. Он хоть и представился официально, но я как-то не называла его по отчеству.

– Ничего, фамилии вполне хватит, – заверил Лев. – Еще я хотел спросить про друзей. Надеюсь, Костя не только дрался со всеми, наверняка были ребята, с которыми он общался спокойно и, возможно, даже по-дружески. Тем более что, как я уже сказал, после перехода в вашу школу общение с ребятами, живущими по соседству, он почти прекратил.

– Да, конечно, были и друзья, – подтвердила Ирина Владимировна. – Ближе всех, пожалуй, Боря Ливнев и Андрей Кропоткин. Они частенько тусовались втроем. Наверное, и после уроков общались. Да, пожалуй, они.

– Борис Ливнев, Андрей Кропоткин, – медленно повторил Гуров, записывая имена в блокнот. – А как же Вадим? Вадим Пригов?

– Вадим? Какой Вадим? – вскинула брови Ирина Владимировна, явно искренне удивленная упоминанием про какого-то Вадима, и несколько секунд собеседники молча смотрели друг на друга с совершенно одинаковым изумленным выражением на лицах.

– Вадим Пригов, – первым нарушил молчание Лев. – По моей информации, он учился в одном классе с Константином.

– Пригов? Пригов Вадим? – Ирина Владимировна мучительно пыталась вспомнить, но ничего не выходило. – Но дело в том, что... простите, может быть, я что-то путаю. Вы ведь говорите сейчас про тот класс, в котором обучался Константин Соловьев?

- Да, именно, – подтвердил Гуров.
- Но дело в том, что в этом классе не было ученика с фамилией Пригов.

Глава 3

Новость прозвучала, как гром среди ясного неба. Новый «фактик» не только еще раз доказывал, что лично с Константином Соловьевым Элеонора Пригова была знакома очень поверхностно, но ставил под сомнение саму возможность этого знакомства как таковую.

«То есть это что же получается? – в полной растерянности думал полковник. – Дамочка, с таким чувством распинавшаяся у меня в кабинете по поводу своей трогательной заботы о неприкайном юном мальчике, в действительности даже ни разу не видела его в глаза? Или здесь все с точностью до наоборот? Она-то как раз Костю видела, хотя я много бы отдал, чтобы узнать, по какому поводу и где. А вот сынок ее здесь совершенно не при делах. Очередная отмазка. Нужно было как-то объяснить это необъяснимое знакомство, вот она и приплела его. Но для чего все эти сложные комбинации?! Наворочено столько, что черт ногу сломит, а какая цель? Кто такой этот Константин Соловьев и что такого выдающегося он совершил, что солидные и серьезные дамы, типа Элеоноры Приговой, готовы все бросить и бежать в полицию, сочинять там глупые сказки и выдумывать неправдоподобные объяснения с одной лишь целью – мотивировать опера-„важняка“ заняться его поисками?»

Не найдя ответа на этот интересный вопрос, Гуров вновь сосредоточился на том, что говорила ему Ирина Владимировна.

– Я была их классным руководителем, и этот поток выпустился совсем недавно. Я не могу ошибаться, – взволнованно доказывала учительница. – Вы, конечно, можете поднять классный журнал и все проверить, но... я знаю совершенно точно. Уверяю вас.

– Не переживайте, Ирина Владимировна, никто не сомневается в вашей компетенции, и я не собираюсь проверять классные журналы, – поспешил успокоить ее Гуров. – Но попробуйте припомнить, может быть, в каком-то другом классе обучался мальчик с фамилией Пригов? Может, в одном из параллельных классов был такой ученик. Вы были классным руководителем Кости, но ведь учились у вас и другие ребята. Вы какой предмет ведете?

– Историю.

– Тем более, – улыбнулся Лев. – Этот предмет, насколько я знаю, обязателен для всех. Так что можно быть вполне уверенным, что через ваши руки прошли практически все ученики этой школы. Понятно, что вы не могли запомнить имя каждого. Но давайте попробуем, вдруг нам улыбнется удача. Постарайтесь сосредоточиться и вспомнить, не мелькало ли среди прочих и это имя. Вадим Пригов.

– Пригов, Пригов, – рассеянно глядя в пустоту, повторяла Ирина Владимировна, пытаясь припомнить. – Вы знаете, действительно что-то знакомое. Что-то такое, кажется, было. Вадим... Хм! В параллельном классе был у нас один Вадим, но тот был Шевлинский. Вадим Шевлинский. А Пригов... Хм... Что-то такое... А! Вот оно что! – вдруг победно воскликнула она. – Вот откуда я знаю. Теперь понятно. Это не из параллельного класса, это на предыдущем потоке был у нас такой мальчик. Да, именно Вадим Пригов. Вот почему мне показалось знакомым имя. Он выпустился годом раньше Кости, то есть, получается, на год его старше. Но учился тоже в нашей школе. Теперь я вспомнила. Действительно был Вадим Пригов. Если это, конечно, тот, который вас интересует. Незаметный такой, тихоня, ничем особо не выделялся. Его, кажется, по знакомству к нам устроили. У нас тут... иногда такое случается, – чуть смутившись, пояснила Ирина Владимировна.

– Пригова взяли не из-за выдающихся способностей?

– Кажется, нет. По крайней мере, в список наших «звезд» он точно не входил. Костя, тот на всю школу гремел. И успехами своими, и выходками. А Пригов, тот нет. Видите, я даже не сразу вспомнила. А ведь и этот поток выпустился не так уж давно. Нет, Пригов ничем не выделялся. Серая мышка.

«Понятно, – снова задумался Лев. – То есть некоторая связь между Константином Соловьевым и Вадимом Приговым все-таки имелась. Кстати, если мне не изменяет память, уважаемая Элеонора Юрьевна и не утверждала, что мальчики учились в одном классе. А общая школа – это вполне подходящий повод, чтобы утверждать, что они близко дружили и что Костя частенько бывал дома у Приговых. Ведь теперь это уже не проверишь. Один за границей, другой вообще исчез в неизвестном направлении. Так что в целом легенда вполне правдоподобная. Правда, вышла небольшая накладочка с выпускными. Если верить словам Элеоноры, Костя и Вадим окончили школу одновременно, а в действительности это не совсем так. Точнее, совсем не так. Хотя, при желании, и это небольшое несоответствие можно объяснить. Рассеянностью, например, волнением. Труднее объяснить другое. Если Костя и в самом деле был такой „звездой“, то и те, с кем он регулярно общался, наверняка были заметны. И если бы в круг этого общения входил Вадим Пригов, классной руководительнице наверняка не пришлось бы так долго и напряженно вспоминать его имя. Следовательно, этот самый Вадим не только не входил в число друзей Кости, но, вполне возможно, даже не был с ним знаком. И это обстоятельство делает ситуацию весьма и весьма интересной».

Предположение выглядело вполне логичным. «Незаметный тихоня», да еще и не ровесник, Пригов навряд ли мог вызвать интерес у такой личности, как Константин Соловьев. Да и интерес самого Вадима к отвязному шалопаю представлялся сомнительным. И в этой связи «легенда», рассказанная Элеонорой, приобретала весьма своеобразную окраску.

Выходило, что предприимчивая дамочка, которой по каким-то неизвестным пока причинам очень нужно было узнать, где сейчас находится Соловьев, использовала в качестве повода для неофициального обращения в полицию тот факт, что парень учился в той же школе, что и ее сын. А уж про «дружбу домами» добавила уже от себя. Вот только в чем причина всех этих хитромудрых комбинаций?

Какими на самом деле были побудительные мотивы Элеоноры Юрьевны и почему она посчитала необходимым скрыть их? А также скрыть и еще кое-какие мелочи, типа того, что ее сын и Константин Соловьев никогда не учились в одном классе и, скорее всего, даже не были знакомы.

– Значит, в друзьях у Кости числились только эти двое, Боря и Андрей? – вновь обратился Гуров к Ирине Владимировне.

– Нет, общался он, конечно, со многими. Но с этими мальчиками чаще других. Чаще и, так сказать, ближе. У них было что-то вроде постоянной компании.

– В драках тоже участвовали все вместе? – с лукавой улыбкой поинтересовался Лев.

– Нет, эти ребята гораздо спокойнее, – улыбнулась в ответ Ирина Владимировна. – Это Костя у нас задира. А эти – нет. Они если и могли участвовать, то только в качестве зрителей.

– Понятно. Как вы думаете, они могут знать, где сейчас находится Костя?

– Трудно сказать. Если они продолжают поддерживать отношения, то вполне возможно. А если нет, тогда навряд ли.

– А с вами они поддерживают отношения? Или от радости, что наконец окончили школу, и глаз не кажут?

– Да, тут вы угадали, эти мальчики пока не появлялись. Хотя из этого выпуска ребята уже приходили ко мне, рассказывали, кто куда поступил, чем занимается. А про этих пока ничего не знаю.

– По моим сведениям, Костя поступил в университет связи и информатики.

– Да вы что?! – изумленно и радостно воскликнула Ирина Владимировна. – Seriously?

– Абсолютно.

– Так это же просто великолепно! Вот видите, значит, не зря мы так за него боролись. Значит, сумел человек использовать свой шанс.

– Возможно, – сдержанно отреагировал Гуров. – Но проблема в том, что сейчас он куда-то пропал, и неизвестно, где его искать. Именно поэтому я здесь, и именно поэтому мне так важно знать, с кем Костя близко общался. Вы не могли бы дать мне адреса Бориса и Андрея? Думаю, имеет смысл навестить этих молодых людей.

– Да, конечно, я готова помочь, но для этого нужно поднять документацию, боюсь, что по памяти эти данные я вам сообщить не смогу.

Обращение к молоденькой секретарше решило проблему в считанные минуты. Поскольку Константин Соловьев окончил школу недавно, девушке пришлось лишь поискать соответствующие файлы в компьютере. Найдя нужную информацию, она сообщила адреса Гурову. Оказалось, что оба одноклассника Кости жили недалеко. Борис Ливнев проживал на Русаковской, то есть на той же улице, где находилась школа, а Андрей Кропоткин «квартировал» на Стромынке.

– Но это, конечно, на тот момент, когда они еще учились в школе, – заботливо уточнила Ирина Владимировна. – Так же как и о Косте, об этих мальчиках данные у нас только за тот период.

– Да, разумеется, – кивнул Гуров и, попрощавшись с дамами, отправился «в гости», уверенный, что и Бориса, и Андрея без труда сможет найти по прежним адресам.

Поскольку оба парня проживали недалеко от школы, он не стал садиться за руль, а решил пройтись и поразмыслить над тем, что только что узнал.

Из слов классной руководительницы следовало, что Вадим Пригов не имел никакого отношения к Константину Соловьеву и, возможно, даже не был с ним знаком. Значит, и его уважаемая мамаша не могла «подружиться» с Костей через сына. Очевидно, что она узнала о существовании этого молодого человека из каких-то совершенно иных источников и по какому-то совершенно иному поводу.

Шутки шутками, но чтобы набраться наглости добиваться аудиенции у полковника полиции, да еще через какую-то там «знакомую знакомых», типа Эльвиры, нужно иметь причину весьма серьезную. Весьма и весьма. Поэтому нужно внести в это дело максимальную ясность и вывести всех на чистую воду. И этого загадочного вундеркинда, и заодно эту заботливую дамочку...

Подойдя к дому Бориса и найдя нужный подъезд, Гуров набрал на домофоне номер квартиры.

Несмотря на уверенность в том, что бывшие школьники, а нынешние студенты продолжают проживать по прежним адресам, он не очень надеялся, что ему удастся застать их дома именно сейчас. В разгар учебного дня студенты, по логике вещей, должны были быть на лекциях. Но, по-видимому, фортуна в этот день была на стороне полковника, поскольку из переговорного устройства донесся молодой бодрый голос:

– Кто там?

– Проверка счетчиков, – ответил Лев первое, что пришло в голову. – У вас установлены счетчики на воду? Мне необходимо записать показания.

После этих слов в разговоре возникла пауза, и приглушенные звуки, доносившиеся до слуха Гурова, дали понять, что юноша, ответивший на звонок, консультируется еще с кем-то, вероятно, по поводу того, открывать или не открывать дверь. Переговоры завершились удачно, и Лев услышал характерный щелчок, показывающий, что дверь открыта.

Поднявшись на седьмой этаж, он позвонил в квартиру, куда его тоже пропустили без лишних вопросов.

– Вон там у нас ванная, – указывая в глубь коридора, сориентировал белокурый молодой человек, стильно подстриженный и с иголки одетый.

– В самом деле? – говорил Гуров, проходя по коридору и вместо ванной заглядывая в ближайшую комнату.

Там он увидел такого же чистенького и аккуратного парня, сидевшего на диване и с интересом смотревшего в его сторону.

– Привет! – доброжелательно улыбнулся Лев. – Ты, я так понимаю, здесь в гостях? А хозяин, по-видимому, он, – кивнул он в сторону парня, открывшего ему дверь, и, обернувшись к нему, в упор спросил: – Борис Ливнев ты будешь?

– Да. А что? – ошарашенно уставился тот.

– Ничего страшного. Просто хотел задать тебе несколько вопросов. Неофициально, – ответил Гуров, достал удостоверение и, раскрыв корочки, поднес их к лицу Бориса, после чего спокойно продолжил: – Давай мы с тобой где-нибудь здесь уединимся, на кухне, что ли. Посидим, побеседуем. А друг твой пускай пока займется чем-нибудь. Журнал посмотрит или музыку послушает. Я много времени не займу. Если, конечно, мы с тобой достигнем взаимопонимания, – многозначительно добавил он.

– А вы что хотели? – все еще не в силах преодолеть изумление, медленно проговорил Борис.

– Со слухом плохо? Поговорить с тобой хотел. Тет-а-тет. Есть здесь свободная комната?

– Комната? То есть в смысле... А, ну да. Комната есть, – постепенно приходя в себя и начиная соображать, сказал Борис. – Можно и на кухне. А в чем дело? Я ничего не нарушал.

– Спасибо, я в курсе. Разговор будет не о тебе. Так где тут у вас кухня?

– Прямо по коридору. До конца. Андрон, ты посиди тут, – повернулся Борис к своему гостю, – я сейчас.

– Андрон? – Гуров, который уже направился было в указанном направлении, услышав это имя, остановился. – Твоего гостя зовут Андрей?

– Ну да. А что? – вновь изумленно поднял брови парень, явно не понимая, что такого особенного может быть в этом имени.

– А фамилия у него не Кропоткин случайно?

– Ну да. А вы откуда знаете?

– Я много чего знаю. Что ж, тогда нам с тобой, Боря, уединиться ни к чему. Раз уж все мы так удачно здесь собрались, вместе и побеседуем. Присаживайся, будь как дома.

Говоря это, Лев прошел в комнату, где сидел второй молодой человек, и устроился рядом с ним на диване. Тот факт, что оба нужных ему парня, как по заказу, оказались в этой квартире, он расценил как большую удачу и теперь намеревался по максимуму использовать предоставленный судьбой шанс.

– Так, Андрюша, Боря у нас уже в курсе, – деловито заговорил он. – Сообщаю и тебе – я из полиции, и меня интересует ваш общий друг и одноклассник Константин Соловьев.

– Костик? – в свою очередь удивленно вскинул брови Андрей. – А что он натворил?

– Натворил или нет, это пока вопрос открытый. Это нам еще предстоит выяснить. А пока я хотел бы узнать, где он может находиться. Несколько дней назад он пропал с радаров и не выходит на связь. Как выяснилось, в коммуналке с отцом он давно уже не живет, а где живет, неизвестно. Поэтому я и решил поговорить с вами. Кому же, как не школьным друзьям, знать, где может обитать их одноклассник.

– Где может обитать? – медленно переспросил Андрей, кажется, еще не очень веря, что визит полицейского не несет с собой никакой угрозы лично ему. – Не знаю. Он, кажется, у каких-то дружанов своих тусовался. А, Боря? Помнишь, он еще на выпускном говорил? Мол, как только диплом получу, тут же от отца свалю. К Созонту или Красному на прицеп. У них, мол, коммунизм полный, все, кому не лень, отираются. Вот и я, мол, тоже. Типа – за компанию.

– Да, говорил, – подтвердил Борис. – Только одно дело – сказать, а другое – сделать. У Созонта действительно полный коммунизм, это ты точно подметил. Все, кому не лень, тусуются, все, что хочешь, делают. Тут же бухают, тут же долбятся, тут же хеви-металл слушают. Бедлам полный. Я думаю, у них в той коммуналке в два раза спокойнее.

– Ты был у Созонта? – с каким-то особенным выражением спросил Андрей.

– Заглядывал пару раз, – небрежно бросил Борис. – Зашел, посмотрел, да и дальше пошел. Ничего интересного.

– Кто это, Созонт? – решил поучаствовать в разговоре заскучивший полковник.

– Созонт? – обернулся к нему Борис. – Да так, придурок один. Он в клубе постоянно тусуетя. Там Костик с ним и познакомился.

– В каком клубе?

– Ночной клуб «Комета». Недалеко от этой его коммуналки. Квартала три. Костик туда постоянно ходил. Культурно развлечься, – косо усмехнувшись, добавил парень.

– И что, с этим Созонтом они тесно общались?

– Да Созонт со всеми тесно общается, – с той же ухмылкой проговорил Борис. – Специальность у него такая. Установление тесных контактов.

– А настоящее имя известно? Или только кличка?

– Имя? Дима, кажется. А, Андрон? Ты не помнишь?

– Точно, Дима, – подтвердил Андрей. – Дмитрий Сазонов. Мне кто-то из ребят говорил. По фамилии и прозвали. Сазонов – Созонт. Нормально.

– Значит, Костя говорил, что после окончания школы будет жить у этого Созонта?

– Да. У него или у Красного. Тоже тот еще типчик.

– Это да, – снова подтвердил Андрей. – Только Костяну, ему, похоже, было все равно, где жить, лишь бы не дома.

– Батяня достал? – понимающе спросил Гуров.

– Это точно.

– Ну и как, удалось ему реализовать свое намерение?

– Не знаю. Я его после выпускного всего пару раз видел. Да и то нечаянно пересеклись, в школе. Мне документы кое-какие нужно было дооформить, а он... он не знаю, зачем пришел, может, тоже за бумажками какими-нибудь. Мы буквально парой слов перекинулись, подробности выяснять некогда было. Узнал только, что он в МТУСИ собирается. Вот и все. А ты после выпускного видел его, Боря?

– Нет, не видел. Я и про институт-то от тебя узнал, не помнишь, что ли? Еще удивился, что он в такое солидное заведение собрался поступать.

– А почему бы ему не поступить в солидное заведение? – возразил Андрей. – Хотя по жизни он, конечно, безбашенный, но дело свое знает, этого уж у него не отнимешь. Помнишь, как он в тот раз... – Андрей посмотрел на Гурова и запнулся на полуслове. – Хотя ладно, это не важно. Я просто хотел сказать, что Костик сам по себе парень своеобразный, но как программист любому сто очков вперед даст.

– Что ж, значит, для подачи документов в институт у него были все основания, – резюмировал Гуров. – А вы, ребята, где учитесь? Не там же, случайно? Не в МТУСИ?

– Нет, мы в Бауманском. Оба, – ответил Борис.

– Тоже неплохо, – кивнул Лев. – А вы не знаете, кто-то еще из вашего потока в МТУСИ учится?

– Кажется, нет. Хотя мы ведь не со всеми общаемся, можем и не знать. Я, кстати, у нас, в Бауманском, Леху из параллельного класса видел. Может, и еще кто учится. А в МТУСИ – не знаю.

– Понятно. Получается, что с окончанием школы закончилась и ваша дружба с Костей?

– Ну да, – с какой-то странной усмешкой произнес Борис. – Получается, что закончилась. По крайней мере, где он живет, мы не знаем. Я-то – точно.

– Да и я тоже, – отозвался Андрей. – Я его пасти не нанимался. Говорил, что к Созонту переедет, а как оно там на практике получилось, неизвестно. Может, и переехал, а может, и у отца остался.

– А адресок этого Созонта можете сообщить? – спросил Гуров. – А, Боря? Ты ведь, кажется, говорил, что бывал в этом значном месте?

– Да без проблем, – отозвался Борис. – Этот адресок, я думаю, весь район знает. На Космонавтов, в двух шагах от клуба. Поэтому и идет там у него всегда веселуха. В клубе начнут, у Созонта продолжат. Да и Красный там где-то недалеко, кажется. Андрей Краснов, тезка его, – с усмешкой кивнул он в сторону друга.

– Разве что тезка, – недовольным тоном проговорил Андрей. – А больше, надеюсь, ничего похожего у нас нет.

– Да уж нет, нет похожего, не волнуйся, – улыбаясь, успокоил его Борис. – Где ты – и где он. Даже не заморачивайся.

– Значит, съехав от отца, Костя вполне мог осесть у Созонта или у этого Красного? – еще раз уточнил Гуров.

– Мог, почему нет? – ответил Борис. – Он и до этого, еще когда в школе учился, частенько у него зависал. Когда с отцом поскандальит или просто так, если три квартала до дома идти не хочется.

– Что ж, попробую поискать его там. А других возможных адресов нет? Может, родственники или девчонка какая-нибудь? В таких местах он не мог остановиться?

– Не знаю, – с сомнением произнес Борис. – Из родственников у него, кажется, только отец был. По крайней мере, нам он про других не рассказывал. Да, Андрон? Ты слышал про родственников?

– Нет, не слышал, – все еще недовольный, буркнул тот.

– Вот и я не слышал. А девчонки... Насколько я знаю, таких прямо постоянных у него не было. Все подружки – на один вечер.

– Да брось! Почему на вечер? – усмехнувшись, заметил Андрей. – А как же Танька? Вспомни, с ней он почти неделю тусовался. Думали даже, что поженятся.

– Ну, это исключение, – улыбнулся в ответ Борис. – А так в основном подружки у него одноразовые были. Так что у бабы он навряд ли живет. Хотя... все может быть.

Поняв, что здесь он узнал уже максимум возможного, Гуров стал прощаться.

На обратном пути, анализируя свои впечатления от разговора с молодыми людьми, которых классная руководительница называла друзьями Кости, он думал, что дружба эта, похоже, была довольно условной. Чистенькие мальчишки из хороших семей наверняка имели мало общего с хулиганом и бунтарем из низших слоев, отличавшимся, ко всему прочему, еще и «сложным характером». У них жизнь просчитана на многие годы вперед. Сначала престижная школа, потом престижный вуз, потом престижная работа. Все красиво и аккуратно, заранее продумано и разложено по полочкам. Такие, как Константин Соловьев, в этой схеме возможны лишь как временное отклонение. Скорее всего, пресловутая «дружба» была обусловлена тем, что ребятам с Костей было забавно. Понаблюдать за очередной его выходкой они были не прочь, возможно, иногда и сами провоцировали его на что-то подобное, но от личного участия в этих акциях наверняка устранились. Когда хотелось, так сказать, расслабиться и отдохнуть от основных занятий, вспоминали про Костика, но, если речь шла о серьезных вещах, наверняка его участие не предполагалось даже в проекте.

Из разговора с Борисом и Андреем Гуров сделал вывод, что по жизненным предпочтениям и социальному положению Косте гораздо ближе были упомянутые Созонт и Красный. Наверняка не случайно именно у них «зависал» он, когда ссорился с отцом или «просто так».

«Про Созонта, вполне возможно, что-то интересное поведает участковый, – подумал Лев. – Алексей Широков, если не ошибаюсь? Пожалуй, прежде чем ехать в гости к этим ребятам, стоит с ним пообщаться. Судя по описанию, на хате у этого Созонта процветает настоящая „малина“, так что без предварительной подготовки соваться туда незачем. Только распугаешь всех, а толку не будет. Нужна хотя бы предварительная консультация, что это за место и какие люди там бывают».

Поскольку Алексеевский район располагался по соседству с Сокольниками, он решил, что незачем откладывать дело в долгий ящик, и, сев в машину, поехал в местное РУВД. Вскоре Лев уже сидел в небольшом кабинете, где вместе с двумя коллегами «квартировал» Алексей Широков.

– Да, парень был сложный, – отвечая на вопрос Гурова, произнес Широков. – Чуть не каждую неделю у него эксцессы случались.

– Драки?

– Когда и драки, а когда и... другое разное.

– Например?

– Приворовывал он, похоже. Доказать, правда, так ничего и не удалось, но пострадавшие напрямую на него указывали. Даже официальные заявления есть.

– И что пропадало?

– Деньги или такое, что можно быстро продать, телефоны, планшеты, аксессуары всякие. Заявители указывали на него, он, разумеется, отпирался. Но сделано было чисто, украдено или потеряно, не разобрать. Так и остался вопрос открытым.

– Вот оно что. Похоже, тут целый джентльменский набор. И драки, и воровство. Сказывалось влияние среды? Я слышал, друзья у него были очень... своеобразные.

– Друзья? Не знаю. Кажется, особо близких друзей у него и не было. С Сазоновым они частенько вместе развлекались, но какая это дружба? Так, тусовка. В характере много общего, что один, что другой, оба без башни. Но дружбой я бы это не назвал.

– Если не ошибаюсь, они познакомились в ночном клубе?

– Да, в «Комете». Это у нас тут такой... рассадник, – немного подумав, подобрал подходящее слово Алексей. – Что ни вечер, то новая новость.

– Костя часто бывал в этом клубе?

– Наверное. Я хвостом за ним, конечно, не ходил, но с Сазоновым видел его часто, а тот уж из «Кометы» этой просто не вылезал. Думаю, и Соловьев был там нередким гостем. Он и у Сазонова иногда гостил, и ночевать оставался.

– По моим сведениям, у него там тоже что-то вроде своеобразного клуба? – усмехнувшись, спросил Лев.

– Да, еще одна моя постоянная головная боль. И от соседей непрерывные жалобы, да и вообще. Созонт этот, похоже, наркотой приторговывает, а за руку поймать пока не удастся. Вот и ходишь вокруг да около, удачного момента ждешь. А когда он придет, этот момент? Неизвестно.

– А Соловьев запрещенными препаратами не баловался? – внимательно взглянул на Алексея Гуров, хорошо знавший, что подобные увлечения тоже частенько бывают причиной внезапных исчезновений.

– Вполне возможно, – ответил Широков. – Я думаю, кто к Созонту ходил, все хоть влегкую, да «причашались». Чем там у него еще заниматься? Музыку слушать?

– Ты сказал, «ходил». То есть, я так понимаю, сейчас Костя там уже не появляется?

– Нет, сейчас не видно. Он как школу окончил, от отца съехал, и с тех пор лично на моем участке одной проблемой стало меньше. Созонт в хронике фигурирует, но про Соловьева я теперь ничего знать не знаю и ведать не ведаю. Чему, кстати, очень рад.

– Правда? А я вот не очень. Мне бы, наоборот, гораздо приятнее было бы, если бы ты о нем что-нибудь знал. А так получается, что снова у меня холостой выстрел. Я было подумал, что Костя у Созонта может квартировать или у Красного. Тоже, кажется, персонаж из этой же серии.

– Да, Красный – тот еще кадр, – подтвердил Широков. – Он и Созонту не уступит. Кстати, Красный «долбится», как сейчас говорят, практически в открытую.

– А где берет, неизвестно?

– Нет! Просто тайна какая-то за семью печатями. И кто только может его снабжать, ума не приложу. Не Созонт же, в самом деле.

– Да нет, конечно, – согласился Лев. – А за руку, значит, поймать не удастся?

– Увы. Осторожный, гад. Да и предупреждают его, как я успел заметить. У них же тоже здесь своя агентура. На каждом углу «глаза и уши».

– Значит, у Созонта Костю искать не стоит? – еще раз уточнил Гуров.

– Нет, вряд ли. Я Диму навещаю регулярно, так что, если бы Соловьев квартировал у него, я бы знал. Но о Косте в наших краях сейчас ничего не слышно. Это первое время, сразу после того как окончил школу, он действительно какое-то время жил у этих своих друзей-товарищей. Да и то недолго. У них, говорит, шумно, постоянно отвлекают, а мне в институт готовиться надо. Я тогда еще посмеялся, а теперь думаю – может, и правда поступил? Повзрослел, за ум взялся.

– Насколько мне известно, в институт он действительно поступил, а вот насчет того, чтобы взяться за ум... Впрочем, точной информации нет, вполне возможно, что он и правда изменил свой стиль жизни. Но проблема в том, что в настоящее время он числится в списке «без вести пропавших», и причины этого загадочного исчезновения тоже большая загадка.

– Да, ситуация интересная. Но лично я вряд ли смогу здесь чем-то помочь. На моем горизонте он давно не появлялся.

– И каких-то чрезвычайных происшествий с его участием тоже не было?

– В моем районе – нет.

– Что ж, на «нет» и суда нет. Спасибо за консультацию, Леша.

– Да за что спасибо? Я ведь вам, собственно, ничего полезного и не сообщил.

– Отсутствие результата – тоже результат, – философски заметил Гуров. – Хотя ты и не смог подсказать, где искать Костю, зато подсказал, где его искать не нужно. Следовательно, сэкономил мое время. Кстати, есть кое-какая информация, которую ты совершенно точно знаешь и можешь мне сообщить.

– Правда? И какая же? – с интересом взглянул Широков.

– Адрес Краснова. Где живет Созонт, мне известно, а вот об Андрюше я знаю только то, что у него есть кличка.

– Адрес? Да пожалуйста. Если это вам поможет – с удовольствием. Константинова, семь, я даже наизусть помню.

– Часто приходится бывать? – понимающе улыбнулся Лев.

– Гораздо чаще, чем хотелось бы, – согласился Алексей.

Выйдя от участкового, Гуров решил, что потратил уже достаточно времени на выполнение поручений Элеоноры Приговой и что не мешало бы заняться основными профессиональными обязанностями.

«Похоже, идти „в гости“ к Созонту и Красному не имеет смысла, – думал он, садясь в машину. – Хотя пообщаться с ними наверняка стоит. Если исчезновение Соловьева связано

с какими-то криминальными делами, вполне возможно, именно эти ребята смогут дать полезную информацию. Но для начала следует все-таки выяснить, где же обитал наш мальчик после того, как поступил в институт. С отцом он не жил, у „друзей“ тоже. Даже эпизодически не появлялся там, если верить участковому. Значит, парень действительно кардинально сменил свой „ареал“ обитания. Вполне возможно, он перебрался поближе к университету и действительно, как добропорядочный гражданин, снимает квартиру, а не тусуется в качестве приживальщика в домах у разных подозрительных личностей».

Первоначальное предположение полковника о том, что Соловьев не выходит на связь потому, что «загорает» в СИЗО, тоже не получало подтверждения. По словам того же Широкова, чрезвычайных происшествий с участием Кости в последнее время не случилось, а значит, и сажать его в изолятор было не за что. Правда, мог быть еще вариант, что Соловьев арестован по месту нового жительства, но, чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение, нужно было как минимум это новое место жительства установить.

«Что там у нас осталось из неиспользованных резервов? – вновь размышлял Гуров. – Друзья-товарищи из института? Если „дружба“ с ними была такая же, как с одноклассниками, получить там полезную информацию шансов немного. Хотя на безрыбье... Других вариантов все равно нет, будем использовать то, что осталось. На сегодня в любом случае хватит, а завтра утром надо наведаться и в учебное заведение».

На следующее утро, как и намеревался, Гуров отправился в университет связи и информатики – солидное высшее техническое заведение, где обучался сейчас Константин Соловьев.

Здесь, так же как и в школе, он решил действовать как официальное лицо и вскоре смог убедиться, что в выборе стратегии не ошибся. Служебное удостоверение, как волшебная палочка, открывало нужные двери. Всего минут десять понадобилось полковнику, чтобы выяснить, что интересующий его молодой человек обучается на факультете информационных технологий. Еще через пять минут он входил в кабинет декана.

– Соловьев? – рассеянно переспросил высокий плотный мужчина с выразительной актерской внешностью и львиной гривой на голове. – Хм, возможно. Вполне возможно, что у нас обучается студент с такой фамилией, но... Видите ли, мне трудно запомнить всех. У нас обучается огромное количество студентов. Каждый год очень большой набор. Мне трудно запомнить всех. Вам лучше обратиться к преподавателю, который курирует его группу.

– С удовольствием, – любезно улыбнулся Гуров. – Осталось только выяснить, кто это.

– О, никаких проблем, – заверил колоритный декан. – Людмила Сергеевна! – не прибегая к помощи технических средств, позвал он.

Дверь открылась через секунду, и, умело манипулируя модельными бедрами, в кабинет вплыла Людмила Сергеевна. На вид ей нельзя было дать и тридцати.

– Помогите нашему гостю, – утомленно скользнув взглядом по ухоженным прелестям, проговорил декан. – Нужно найти одного студента, э-э-э...

– Константин Соловьев, – подсказал Лев.

– Да, именно. Соловьев. Подскажите ему, кто там у нас куратор, ну и прочее, что там будет нужно.

– Хорошо, Евгений Максимович, все сделаю, – проворковала Людмила Сергеевна. – Пройдемте со мной, – добавила она, обратив лучезарный взор на Гурова.

– С удовольствием, – совершенно искренне ответил тот.

Следом за секретаршей он вышел в «предбанник» и терпеливо дождался, пока она найдет нужный файл в компьютере.

– Константин Соловьев? – пробегая глазами текст в мониторе, еще раз переспросила Людмила Сергеевна.

– Да, именно так, – подтвердил Гуров.

– Ага, вот он. Соловьев Константин Игоревич, группа сто тридцать восемь. Куратор Борисов. Борисов Геннадий Петрович.

– А как я могу его найти, если не секрет? – вежливо поинтересовался Лев.

– Одну минуту, – не отрываясь от экрана, произнесла девушка. Пощелкав кнопками, она снова нашла нужный файл и сообщила: – Сейчас у него «окно», нет занятий. Если не ушел в буфет или в ресторан, значит, должен быть в преподавательской. Это триста семнадцатая аудитория. Третий этаж.

– Благодарю вас, вы мне очень помогли. А в ваших данных случайно не зафиксирован адрес этого Соловьева?

– Обязательно, – бодро ответила Людмила Сергеевна. – Основная информация о студентах фиксируется в обязательном порядке. Вам нужен адрес?

– Да, если можно.

Лев застыл в ожидании, надеясь, что наконец-то получит ответ на вопрос, мучивший его вот уже который день. Но и на сей раз его ждало разочарование.

– Рижская, девятнадцать, – отрапортовала фотомодель после очередной чечетки на кнопках. – Да, именно так. Константин Соловьев. Это его адрес.

– Благодарю вас, вы мне очень помогли, – уныло повторил Лев и отправился на третий этаж искать триста семнадцатую аудиторию.

Обнаружив дверь с нужным номером, он вежливо постучал и заглянул внутрь. В просторной комнате сидели за столами двое мужчин и одна женщина.

– Добрый день, – поздоровался Лев. – Мне нужен Борисов Геннадий Петрович. Куратор сто тридцать восьмой группы. Могу я его увидеть?

– Я Борисов, – отозвался худощавый темноволосый мужчина, стоявший у окна. – А что вы хотели?

– Поговорить, – коротко ответил Гуров. – Если я правильно понял, у вас сейчас нет занятий? Может, пройдемся, подышим свежим воздухом? Заодно и побеседуем.

– А о чем, собственно? – без особого энтузиазма произнес Борисов. – Вы, простите, кто? И по какому вопросу?

Поняв, что решить вопрос деликатно и без излишнего официоза не получится, Гуров вытащил удостоверение и представился по всей форме:

– Лев Гуров, оперуполномоченный по особо важным делам, Главное управление уголовного розыска.

При этих словах глаза присутствующих изумленно и отчасти испуганно округлились, и в помещении повисла театральная пауза.

– Так мы сможем поговорить на свежем воздухе? – повторил свой вопрос Лев.

– А? О! Да! Да, конечно, – суетливо заговорил Борисов. – Если нужно... как скажете.

Он поспешно прошел к двери и следом за Гуровым вышел в коридор.

Глава 4

– А что случилось? – немного придя в себя, с любопытством и тревогой спросил Борисов. – Это касается меня? Я что-то нарушил? Кажется, я...

– Нет, не волнуйтесь. Меня интересует один из ваших студентов. Речь о Константине Соловьеве.

– Костя? Так я и знал! Вот просто предчувствие какое-то было, что что-то случится. Что с ним? Что вообще произошло? Он что-то натворил? Совершил что-то противозаконное? Он уже который день не появляется на занятиях. Я начинаю не на шутку беспокоиться.

«Да что ты говоришь?! – мысленно усмехнулся Лев. – И всего-то ничего, почти неделю парня нет в институте, а ты уже „начинаешь“ беспокоиться. Нет, что ни говори, а Элеонора Юрьевна сориентировалась гораздо оперативнее. Вот что значит, у человека личный интерес».

Тем не менее именно это отсутствие личного интереса делало Геннадия Борисова своего рода «независимым свидетелем» и давало надежду на то, что от него можно будет получить объективную информацию.

– А почему вы решили, что что-то должно случиться? – ухватившись за нужное слово, спросил Гуров. – Чем были вызваны ваши предчувствия?

– Как вам сказать? – задумчиво произнес Борисов. – В последнее время Костя был какой-то нервный, рассеянный, вялый. И в то же время раздражительный. Однажды встретил его в коридоре, идет, еле ноги передвигает, буквально спит на ходу. А когда кто-то из ребят обратился к нему с каким-то пустяковым вопросом, он так налетел на него, будто его в самый ответственный момент оторвали от самого главного дела всей жизни. А парень всего лишь спросил, в какой аудитории следующая пара. Согласитесь, реакция довольно неадекватная.

– Да, действительно, – согласился Лев. – А раньше за Костей подобного не замечалось?

– Как вам сказать? Вообще-то он мальчик довольно импульсивный, что есть, то есть. Но эти всплески проявлялись большей частью в сфере, так сказать, научной. Он мог, например, завопить на всю аудиторию: «Эврика!», если пришла удачная идея. Ну, и прочее в таком духе. На это не обращали особого внимания. У нас принципы достаточно демократичные, мы не цепляемся к пустякам. Ну, обрадовался человек, захотел выплеснуть эмоции, бывает. Каждый по-разному реагирует, у каждого свой темперамент. Главное, что в данном случае эти проявления обоснованы. Понятен мотив. А здесь... Просто так, ни с того ни с сего наброситься на человека... Странно. По меньшей мере, странно.

– Значит, вы заметили, что в последнее время Константин нервничал. А о причинах такого настроения не пытались его расспрашивать?

– Как вам сказать? Их расспрашивать-то больно не разбежишься. Знаете, какая сейчас молодежь. Каждый сам себе господин, каждый сам все знает, сам во всем разбирается. Делиться чем-то, даже проблемами, они сейчас не склонны. С какой стати? Я ведь не его мама.

– Так и говорят? – с улыбкой спросил Гуров.

– Так, конечно, не говорят, но понять дают вполне недвусмысленно. Вот и Костя. Он вообще, как я успел заметить, человек довольно закрытый. Хотя это не означает, что необщительный. Наоборот, общался он очень активно и практически со всеми. Но доверительных отношений, кажется, почти ни с кем не имел.

– Что, близких друзей вообще не было?

– Нет. Разве что с Игорем он общался более-менее регулярно. Игорь Киров, он учится в той же группе. С ним Костя был поближе, чем с остальными. Нашел общие интересы, они даже ходили куда-то вместе. Вот, пожалуй, и все. Не знаю, в чем тут дело. Возможно, какие-то детские комплексы. Насколько я знаю, у Кости неполная семья, может быть, дают себя знать какие-то печальные воспоминания или давние обиды. А Игорь – мальчик тихий, непритязательный.

Возможно, для Кости он был своеобразной «жилеткой». Ведь ни перед каждым решишься выказать свои слабости, быть самим собой. А Игорь... Впрочем, я, кажется, отвлекся. Так что же случилось? Куда пропал наш Константин?

– Это я сейчас и пытаюсь выяснить. Вы не в курсе, где он проживал в последнее время? В официальных данных указан адрес отца, но, насколько я знаю, Костя уже давно не живет с ним. После поступления в институт он съехал куда-то, и, как ни странно, до сих пор я не встретил ни одного человека, который бы мог сказать, куда именно.

– Съехал? В самом деле? – удивленно переспросил Борисов. – Надо же! Как вовремя вы мне сказали. А я уже собирался ехать к нему в гости. У меня записано, что он живет в Алексеевском районе. Разве не так?

Эта простодушная реакция позволила Гурову сделать два важных вывода. Во-первых, о том, что уважаемый куратор, при всей своей наблюдательности, все-таки не принимал проблемы студентов слишком уж близко к сердцу. Иначе он, без сомнения, знал бы реальный адрес Соловьева. И, во-вторых, Лев уже в который раз имел случай убедиться, что Костя и сам не особенно стремился афишировать личную информацию.

За два года он ни разу не навестил бывшую классную руководительницу, которая относилась к нему гораздо заботливее, чем куратор студенческой группы, и благодаря которой он, собственно, и получил шанс стать студентом. Однако, несмотря на все это, он не зашел даже на пять минут хотя бы для того, чтобы поблагодарить и сказать, где сейчас обретается.

Такой же информационный вакуум стал уделом и школьных друзей. Те, хотя и виделись с ним мельком, но о том, где он сейчас живет и чем занимается, тоже узнали немного. Невольно напрашивался вывод, что Костя и не стремился особо рекламировать ни место своего обитания, ни новые занятия.

Учитывая, что и это место, и эти занятия были более престижными и «статусными» по сравнению с предыдущими, такая скрытность выглядела, по меньшей мере, странно. Казалось бы, мальчик, которому удалось схватить фортуна за хвост и из «низов» выбраться на широкую дорогу, стать студентом солидного вуза и получить отличные перспективы для личного развития, должен на каждом углу хвастаться этим своим успехом и всячески рекламировать себя. Но реальное положение вещей оказывалось прямо противоположным, и это несоответствие чрезвычайно заинтересовало полковника.

– Нет, в Алексеевском районе он давно уже не живет, – ответил он Борисову. – Послушайте, а вот этот Игорь, Игорь Киров, с которым, как вы говорите, Костя общался ближе, чем с остальными, он не может знать его адрес? Может быть, хотя бы ему Костя раскрыл этот «страшный секрет»?

– Отчего же, вполне возможно. Собственно, я и сам бы обязательно уточнил это, если бы знал, что официальные сведения не соответствуют действительности и Костя не проживает по тому адресу, который указан в документах. Но я почему-то был совершенно уверен... Впрочем, сейчас это уже не имеет значения. Да, конечно, если других вариантов нет, мы обязательно должны обратиться к Игорю. Возможно, он действительно сможет раскрыть нам этот, как вы говорите, страшный секрет. Сейчас идет пара, – взглянув на часы, добавил Борисов. – Но как только она закончится, мы сразу же устроим, так сказать, допрос с пристрастием. У ребят лекция по математической статистике, я знаю, в какой аудитории они занимаются.

– Тогда, может быть, нам стоит постепенно продвигаться в направлении этой аудитории?

– Да, конечно. Собственно, до окончания пары осталось не так уж много времени. Если продвигаться «постепенно», прибудем в самый раз.

Спутники, неспешно прогуливающиеся по одной из аллей институтского парка, развернулись и пошли в обратном направлении.

– Сколько стоит обучение в вашем вузе? – поинтересовался Гуров.

– По-разному, – уклончиво ответил Борисов. – Многое зависит от специальности, от факультета. Есть и бюджетные места.

– Но Соловьев обучается платно?

– Да, он в коммерческой группе.

– Кто же оплачивает его обучение? Если я правильно понял, семья его не принадлежит к категории высокообеспеченных. Неужели, обучаясь на дневном отделении, он умудряется еще и зарабатывать?

– Да нет, здесь другая схема. Дело в том, что наш университет глубоко интегрирован в международную систему образования. МТУСИ является членом Европейского общества по инженерному образованию, Ассоциации делового сотрудничества международных отделов высших учебных заведений стран Центральной и Восточной Европы и, кроме этого, активно участвует в работе многих других международных организаций. У нас очень разветвленная и гибкая система грантов и бонусов, что позволяет набирать студентов именно по способностям, а не по каким-то иным показателям. Случай с Костей – именно из этой серии. Насколько мне известно, он демонстрировал высокие показатели еще в школе. Открытость со стороны института плюс немного личной активности – и в результате мы получили перспективного студента, а способный молодой человек – отличную возможность для дальнейшего развития и личного роста.

– То есть обучение Кости оплачивает некая сторонняя организация?

– Я бы сказал, совокупность организаций. Насколько мне известно, источник, из которого черпаются средства на обучение Константина и еще нескольких студентов, идущих по той же программе, – плод коллективного финансирования. Как говорится, с миру по нитке, – улыбнулся Борисов. – То, что было бы затруднительно в смысле финансов для одной организации, становится возможным, когда в деле участвуют несколько. В этом и есть смысл коллективного сотрудничества. Впрочем, я не знаю всех тонкостей этого вопроса. За подробными разъяснениями вам придется обратиться в бухгалтерию.

– Но главный вывод в любом случае ясен. Косте не нужно каждый год искать средства для того, чтобы иметь возможность продолжить учебу. Об этом позаботятся другие люди. Я правильно понял?

– Да, совершенно правильно. Но это, разумеется, при условии, что в учебе он показывает определенные результаты. Держится, так сказать, на уровне, не обманывает ожиданий.

– Оправдывает вложенные средства? – понимающе улыбнулся Гуров.

– Да, можно сказать и так. Что ж, на мой взгляд, в современных условиях подобные схемы вполне оправданны. Во всем мире талантливых специалистов «отслеживают» уже со школьной скамьи.

– Да, разумеется, – согласился Лев. – Мне тоже кажется, что такой подход вполне оправдан.

Разговаривая, они дошли до здания института и, поднявшись на второй этаж, подошли к аудитории, где, по словам Борисова, должна была слушать сейчас лекцию по математической статистике группа № 138. И тут сразу же прозвенел звонок, возвещающий об окончании пары.

– Надо же, как мы удачно, – заметил Борисов. – Просто как чувствовали.

Больше он сказать ничего не успел, поскольку в этот момент дверь распахнулась, и из аудитории, шумно и оживленно общаясь, повалила студенческая масса.

– Игорь! Игорь! – заметив в толпе нужного человека, выкрикнул Борисов, изо всех сил стараясь перекрыть многоголосый говор. – Игорь, подойди ко мне на минуту!

На этот зов из толпы вышел высокий худощавый юноша с внешностью типичного «ботаника». Увидев, кого именно выбрал себе в друзья и доверенные лица «безбашенный» шалопай Константин Соловьев, Гуров не мог не удивиться. Слишком уж резко отличалось то, что удалось узнать ему о Соловьеве, от этого смиренного домашнего мальчика, явно очень далекого не

только от всяких подозрительных личностей, типа Созонта и Красного, но даже от обычных хулиганов, подкладывающих кнопку учительнице на стул.

– Игорь, тут с тобой хотят пообщаться, – сказал Борисов. – Давай отойдем в сторонку.

В конце коридора возле оконной ниши почти никого не было, и преподаватель со студентом в сопровождении полицейского направились туда, надеясь, что смогут пообщаться без особых помех.

– Игорь, ты когда последний раз виделся с Костей? – спросил Борисов.

– Давно, – без особого энтузиазма ответил парень, вопросительно глядя на Гурова.

– Это из полиции, – отвечая на этот взгляд, пояснил куратор. – Следователь. Он хочет разыскать Костю, а мы должны ему помочь. Оказывается, он давно уже не живет с отцом. Ты знал об этом?

– Знал, – так же лаконично ответил Игорь.

– Так почему же ты не сказал мне? – возмущенно воскликнул Борисов. – Я был уверен, что у меня точные данные, а теперь выясняется, что я даже не в курсе того, где живут мои студенты.

– Вы не спрашивали, – резонно и все так же немногословно возразил парень.

– «Не спрашивали», – передразнил Борисов. – А сам ты?.. Мог бы и сам...

– Минуточку, – вступил в разговор Гуров. – Давайте разберемся. Может быть, Игорю, собственно, и нечего было говорить. Ты знал, где живет Костя?

– Знал.

– И где же?

– В Перовом поле.

– Давно он там проживает?

– Давно.

– И никуда не переезжал?

– Никуда.

– Точный адрес знаешь? Номер дома, квартиру?

– Знаю. Я бывал у него, – впервые за весь разговор расщедрился на комментарий немногословный собеседник.

– Отлично! Диктуй! – В порыве энтузиазма Гуров молниеносно вытащил блокнот и зафиксировал долгожданные цифры и задал следующий вопрос: – Так, значит, вы уже давно не виделись с Костей?

– Давно, – лаконично повторил Игорь.

– С тех пор как он перестал ходить на занятия?

– Да.

– А ты не пытался выяснить причину его отсутствия?

– Нет. Мне некогда.

– Понятно. Что ж, бывает. А не припомнишь, уже случалось такое, чтобы Костя пропал на несколько дней?

– Нет, не случалось.

– И такое необычное его отсутствие не беспокоило тебя, не заставило волноваться? Не вызвало желание узнать, что произошло?

– Обеспокоило. Но я не могу узнавать. Мне некогда.

– Ясно. А перед тем как Костя пропал, ты не заметил каких-нибудь изменений в его поведении? Излишней резкости, например, или, наоборот, заторможенности?

– Заметил. Он психовал. Но почему – не говорил.

– А ты, я так понимаю, не расспрашивал? – уверенный, что заранее знает ответ, спросил Гуров.

– Бесплезно. Если сам не захочет, он все равно не скажет.

– А сам он причину своих волнений раскрывать не хотел?

– Нет, не хотел.

– Понятно. Но, может быть, у тебя и без его рассказов имеются какие-то догадки, предположения? – Лев из последних сил пытался выяснить хоть что-нибудь. – Как по-твоему, с чем может быть связано это его внезапное исчезновение?

– Я не знаю. У меня нет догадок. Он ничего не говорил.

– А о чем вы вообще разговаривали? Ты ведь, как я понимаю, общался с ним, и даже довольно тесно. Вы встречались в институте, ты бывал у него дома. О чем-то должны же были вы говорить? Или все о девочках?

– Нет. Мы говорили об учебе.

– Об учебе?! – На лице полковника отразилось неподдельное изумление. – Куда катится мир! Студенты в свое свободное время говорят об учебе!

– Да, мы разбирали разные программы, вирусы. Костя очень талантливый программист. Просто гениальный. Он показал мне много разных... примочек. Даже некоторые вещи, которые не показывал никому. Даже секретные. Я это очень ценю. И если он говорил, что про какой-то секрет нельзя рассказывать, я не рассказывал. Нельзя обманывать доверие.

– Это точно, – кивнул Лев. – Значит, ваше общение с Константином не выходило за рамки, так сказать, профессиональных тем?

– Почти никогда. Профессиональных тем вполне хватало. Программирование – сфера неисчерпаемая. А Костя очень талантлив. Я думаю, он мог бы преподавать здесь, а не учиться. Он знает столько всего... Вот и я тоже. Я хочу научиться. Как он. Многие относятся к этому легкомысленно. Думают, что все само придет. Но так не бывает, я знаю. Поэтому и хочу научиться. Как Костя. Чтобы разбираться во всем, как он. Он очень талантлив. Просто гений.

– А давно ты заметил в нем эту гениальность? – спросил Гуров, которого озарила некая догадка.

– Да, с самого начала. Еще на первом курсе. Я заметил, как он отвечал на вопросы. Преподаватель спрашивает что-нибудь, и все сидят, думают, ищут ответ. А у Кости ответ всегда был готов сразу. Иногда он даже специально не говорил, чтобы дать другим шанс. Но видно было, что знает. И всегда у него было заметно нетерпение, досада, что до других так долго доходит.

– И, поняв, что Костя – гениальный программист, ты захотел перенять у него все эти «примочки» и стать таким же, как он?

– Да. Я хочу научиться. Все остальные с нашего курса даже в подметки Косте не годятся. Если бы они понимали это, они бы толпой ходили к нему на консультации. Но они не понимают. Думают, что главное – это получить диплом. А я хочу научиться.

«Что ж, вот и разгадана еще одна небольшая загадка, – подумал Лев, слушая неожиданно разговорившегося Игоря. – Похоже, инициатива этой оригинальной дружбы исходила вовсе не от Соловьева. Такие, как он, и не замечают „ботанов“, подобных этому Игорю. Парень сам навязался, своим стремлением „научиться“, несомненно, польстив самолюбию новоиспеченного студента. Он с радостью стал передавать ему „секреты мастерства“, но что касается частной жизни и личных обстоятельств, все это и для Игорька наверняка оставалось такой же тайной за семью печатями, как и для всех остальных».

Поняв, что и от «близкого друга» ему не удастся узнать ничего интересного по главному вопросу, он отпустил Игоря, который уже начинал волноваться, что не успеет на следующую пару.

– Что ж, по крайней мере, у нас теперь есть адрес, – произнес Гуров, проходя по коридору вместе с Борисовым, вызвавшимся проводить его. – Как знать, может, там-то мы и узнаем ответы на все вопросы.

– Вы поедете на квартиру к Косте? – заботливо поинтересовался Борисов.

– Разумеется. Так или иначе, мне необходимо найти его. В квартире или где-то еще. Квартира предполагает наличие соседей, соседи часто имеют полезную информацию, так что будем надеяться на лучшее.

– Я очень прошу вас, если окажется, что Костя сейчас находится дома, скажите ему, чтобы появился в институте. Или хотя бы позвонил в деканат. В общем, как-то дал знать о себе. Я действительно очень беспокоюсь за него. Мало ли что могло случиться.

Не особенно веря в искренность этого «беспокойства», Лев тем не менее пообещал.

Спускаясь вниз и размышляя о том, что сказал Игорь Киров, он еще раз отметил, что и в этом случае, даже при общении с таким преданным поклонником своего таланта, ценящим доверие и способным хранить секреты, Константин Соловьев не спешил эти секреты ему доверять. Столь трепетное отношение к неприкосновенности личного пространства поневоле навело на мысль, что пространство это заполнено чем-то подозрительным. Что за тайны оберегал девятнадцатилетний юноша и каким образом эти тайны могли быть связаны с его внезапным исчезновением – эти два вопроса очень четко обрисовались перед мысленным взором полковника после посещения института.

«Навряд ли „закрытость“ Кости объяснялась детскими комплексами или давними обидами, как предполагает Борисов, – думал Гуров. – Ведь в школе он был даже чересчур общительным, и никакие комплексы не мешали ему периодически устраивать драки и прочие веселые мероприятия. Что же получается, в школе у него с коммуникабельностью не было никаких проблем, а стоило перейти в институт, как тут же заиграли детские комплексы? Что-то плохо верится».

Гораздо более правдоподобным казалось предположение, что одновременно с поступлением в институт в жизни Константина Соловьева произошло еще некое событие, вполне возможно, не очень положительного характера. И теперь он так тщательно оберегает свое личное пространство не потому, что его преследуют детские комплексы, а потому, что ему действительно есть что скрывать.

Выйдя на улицу, Лев сел за руль и начал маневрировать, выезжая с небольшой стоянки, расположенной возле института. Благополучно выбравшись из стройных рядов автомобилей и уже сворачивая на трассу, он заметил в зеркале заднего вида серую «Мазду». Машина, по-видимому, тоже только что выехала со стоянки и теперь неспешно продвигалась следом за ним. Профессиональная память тут же подсказала, что такая же, а возможно, даже эта же самая машина следовала у него «в корме» по дороге к институту, но большого значения этому инциденту он не придал. Даже когда выехал на трассу и увидел, что «Мазда» следует за ним по пятам, не стал накручивать себя, предпочитая думать, что серой машине просто по пути с ним.

Через некоторое время «Мазду» обогнала «Тойота», потом между ней и машиной полковника вклинилось еще несколько автомобилей, и Гуров перестал думать об этом, переключившись на мысли о недавнем разговоре.

Упоминание Игоря о том, что за несколько дней перед своим исчезновением Костя «психовал», настораживало и заставляло думать, что это самое исчезновение не было таким уж внезапным. По-видимому, в жизни молодого человека происходили какие-то важные и, возможно, не очень приятные события, которые он ни с кем не обсуждал, но сам переживал довольно остро.

«А если что-то происходило, значит, должны были быть и люди, с которыми это связано, – логически мыслил Гуров. – При всей своей необщительности мальчик жил не в вакуу-

уме. Пускай он не рассказывал о своих делах Игорьку, но те, с кем эти дела были связаны, конечно же, стопроцентно в курсе. Осталось только найти этих людей».

При этом он все яснее понимал, что искать их нужно не в институте и прочих «цивильных» местах. Гораздо выше была вероятность того, что исчезновение Кости может быть связано с контингентом типа Созонта. Поэтому, независимо от результатов своего визита в квартиру, которую снимал Костя, Лев твердо решил пообщаться с его друзьями из клуба «Комета».

Приехав в Перово и отыскав нужный адрес, он позвонил в дверь, не слишком надеясь на ответ. Предчувствия не обманули – из-за двери не доносилось ни звука. Еще несколько раз нажав на кнопку звонка, Лев оставил бесплодные попытки. Было ясно, что в квартире никого не было.

«Или бездыханный труп», – с невеселой усмешкой предположил он.

Опыт подсказывал, что подобный вариант не является таким уж невероятным, и проверить эту версию необходимо. С другой стороны, расследование было неофициальным, и, с точки зрения действующего законодательства, Гуров не имел оснований для проникновения в квартиру.

Раздумывая, как поступить в этом затруднительном случае, Лев решил прибегнуть к помощи друга и коллеги.

– Здорово, Стас, – сказал он, набрав знакомый номер. – Ты сейчас случайно не в конторе?

– Случайно в конторе. А что стряслось?

– Ничего непоправимого. Просто нужно адресок пробить. Я-то когда еще доберусь, а тебе там ближе. Хотелось бы решить оперативно. Нужен хозяин квартиры и телефон.

– Эх, Иваныч, шагу ты без меня шагнуть не можешь, – в своей обычной манере не преминул заметить Стас. – Ладно уж, диктуй адрес.

Буквально через десять минут Гуров уже разговаривал с хозяином интересующей его квартиры.

– Изотов Владлен Семенович? – строго проговорил он, когда на том конце сняли трубку. – Вас беспокоят из полиции по поводу вашего квартиранта. Вы в курсе, где сейчас находится Константин Соловьев?

В отличие от всех, с кем разговаривал до этого момента, в отношении хозяина квартиры Лев решил действовать жестко. Расчет был сделан на то, что посторонний человек, которому от Кости требовалась только своевременная оплата аренды, не станет скрывать негативные факты, если таковые были ему известны. Рассерженный тем, что квартирант не сообщил ему о своем убытии, и испуганный, что этим квартирантом интересуется полиция, хозяин должен был выложить все, что наболело.

В том, что об убытии Костя господину Изотову не сообщал, Лев даже не сомневался, поэтому готов был услышать не только реальные факты, но и красочные прибавления «от себя».

– Что? Соловьев? Какой Соловьев? – между тем донесся из трубки растерянный и испуганный голос. – Кто это? С кем я говорю?

– Вы говорите с оперуполномоченным по особо важным делам Гуровым, – солидно представился Лев. – Я сейчас нахожусь рядом с вашей квартирой. То есть той, которую вы сдавали Соловьеву. Когда вы сможете подъехать сюда? Мне необходимо осмотреть помещение.

– Я? Подъехать? В каком смысле? – снова пытался «включить тупого» Изотов.

– В прямом. Думаю, вам ни к чему неожиданные затраты на внеплановый ремонт. Поэтому будет гораздо лучше, если дверь мы откроем ключом, а не болгаркой.

– Нет, нет! Не надо! Не надо болгаркой! – испуганно воскликнул бедный арендодатель. – Я сейчас подъеду. Сейчас. Я быстро!

– Жду.

Довольный произведенным эффектом, Гуров спрятал трубку в карман и позвонил в соседнюю дверь.

На сей раз ему повезло больше – дома явно кто-то был. После долгой возни возле двери и внимательного рассматривания в глазок полковник услышал осторожное:

– Кто там?

– Полиция, – спокойно произнес он, разворачивая перед глазком удостоверение. – Я по поводу вашего соседа. Откройте, пожалуйста.

– Соседа?

Послышалось щелканье замка, дверь приоткрылась и в образовавшийся миллиметровый просвет Лев увидел невысокую женщину с седыми буклями, настороженно и любопытно изучавшую его темными, подвижными глазками.

– Да, парня, который жил вот в этой квартире, – сказал он, кивнув на соседнюю дверь. – Константин Соловьев. Вы были знакомы с ним?

– Константин? Правда? Его так зовут? – зачастила старушка. – Надо же! А я и не знала. Такой тихий мальчик, даже и не скажешь, что тут кто-то живет. Хороший. Тихий, незаметный. Ни музыку по ночам не включает, ни хулиганов не водит. Хороший, – повторила соседка. – А то с нынешней молодежью, с ней знаете как. С ней ухо остро надо. Но они ведь сейчас вольные. Родителей не слушают, делают, что хотят. Стоит только вожжи немного отпустить, потом и не поймашь. Ведь эта дорожка, она такая – стоит только ступить на нее, потом и не остановишься. Вон тут их сколько шастает, сами можете посмотреть. И наркоманят, и клей нюхают, и чего только не делают. Весь подъезд нам изгадили. Я уж сколько раз писала участковому...

– Но сосед ваш был не такой? Не гадил в подъезде? – решил Гуров вернуть собеседницу к первоначальной теме.

– Нет, этот ничего, этот хороший, – послушно переключилась она. – Компании к нему не ходили, вечером всегда тихо было. Вообще, гости у него бывали нечасто. Может быть, раз в неделю, а может быть, и еще реже. И все как-то по одному. А по мне, так оно и лучше, зато не шумят. А то с этими компаниями, с ними знаете как.

– А к этому, значит, компании не ходили? – вновь сориентировал Гуров.

– Нет, к нему больше по одному являлись. Бывало, парень приходил, щупленький такой, доходяга. А раз как-то мужчину видела. Мощный такой, весь из себя солидный, высокий. Может, родственник его был или кто. Не знаю.

– А девушки не приходили? – игриво улыбнулся Гуров. – Парень-то молодой, подружка наверняка должна быть.

– Не знаю, – поджала губы старушка. – Я девиц здесь не видела. Может, куда в другое место их приглашал или сам в гости навещался. Не знаю. Девиц не было.

– А из мужчин вы только этого парня видели и солидного господина? Больше никого? – спросил Лев, уже поняв, что бдительная старушка контролирует коридор не хуже любой самой навороченной системы слежения.

– Нет, вроде бы никого больше не было, – сосредоточенно наморщив лобик, проговорила она. – Правда, еще несколько раз совсем поздно кто-то к нему приходил. Часов в одиннадцать. Я уже ложусь в это время, где мне за ними уследить. Из комнаты только слышала, как дверь открывали. Но ничего, тоже все тихо-мирно у них обошлось. Не шумели, не дрались, музыку не включали. Так что ничего плохого сказать вам не могу. Тихий мальчик. Хороший. А вы зачем его хотели увидеть? Натворил, что ли, что-нибудь? – с любопытством добавила старушка.

– Нет, просто проводим проверку миграционного режима, – сказал Гуров первое, что пришло в голову. – Ничего страшного. Не волнуйтесь.

На площадке было четыре двери, и, поговорив со старушкой, Лев позвонил в оставшиеся две, но здесь его снова ждало разочарование. Ответом в обоих случаях было такое же удручающее безмолвие, как и в квартире Кости.

– Не звоните, все равно никого нет, – пробурчала за спиной соседка, все еще продолжавшая выглядывать из щели. – Все на работе.

– Да? Что ж, очень жаль. Тогда остается только дожидаться хозяина.

Как бы в ответ на эти слова послышался шум поднимавшегося лифта, и через минуту на лестничной площадке появился еще один человек. Это был грузный, невысокого роста мужчина с круглым, изъеденным оспинами лицом и большими пухлыми губами.

– Здравствуйте, – безошибочно угадав, к кому нужно обращаться, проговорил он. – Я – Изотов. Изотов Владлен Семенович. Это моя... это у меня... Это мне вы звонили по поводу квартиранта. А что, его действительно нет? – добавил он, взглянув на дверь, как будто она могла ответить.

– Никто не открывает, – проговорил Лев, бросив взгляд на хозяина. – У вас есть ключи? Давайте зайдём внутрь.

Изотов открыл замок и следом за Гуровым вошел в квартиру.

Учитывая, сколько времени прошло с момента исчезновения Кости, полковник заранее был готов к тому, чтобы почувствовать трупный запах. Ведь если убили его в квартире, тело должно было уже начать разлагаться.

Однако его обоняние никаких неприятных «ароматов» не уловило. Наоборот, в помещении было довольно свежо. Пройдя в комнату, он без труда установил и причину этого, увидев приоткрытую створку пластикового окна.

– Вы давно виделись со своим квартирантом? – спросил Лев, окидывая взглядом помещение.

– Две недели назад, – четко отрапортовал Изотов. – У него как раз наступал срок платежа. Как говорится, был повод.

– Вы сами приходили за деньгами?

– Нет, обычно приносил Костя, – ответил Изотов. – Ему проще было приходиться, он молодой, легкий, – как бы извиняясь, добавил он. – Да и живу я здесь недалеко. Забежал, денежки отдал – всего и делов. А я, старый, пока еще доползу.

– Костя платил аккуратно?

– Да, вполне. По этому поводу к нему – никаких претензий.

– А по другим поводам претензии возникали?

– По другим? – Изотов растерянно заморгал, как бы стараясь угадать, чего от него хотят. – Да нет... вроде бы нет. Соседи не жаловались. Нет, у меня к нему претензий не было, – наконец решительно выдохнул он. – Не знаю, как другие, а я... меня все устраивало.

Разговаривая с хозяином, Гуров не забывал уделять внимание и осмотру самой квартиры. Она не выделялась ничем особо примечательным. Стандартный набор мебели, необходимая бытовая техника. Везде было чисто, на столах и диванах не валялось никаких личных вещей, в раковине не наблюдалась гора грязной посуды, как это частенько бывает в жилищах студентов, особенно мужского пола.

Компьютерный стол тоже сиял девственной чистотой. Ни разбросанных флешек, ни листочков с заметками, ни тем более самого компьютера, ничего похожего там не наблюдалось. Выдвинув один из ящиков, Лев обнаружил, что и там тоже пусто.

«А сборы-то, похоже, проходили отнюдь не второпях, – анализируя ситуацию, думал он. – Кое-что мальчик, конечно, оставил. Плед, подушки, одеяла, все громоздкое и неудобное, а главное – не очень нужное. А полезное и компактное, типа компьютера и цифровых носителей, прихватить не забыл. О чем это может говорить? Только об одном. Это „неожиданное“ исчезновение готовилось заранее, и сам исчезнувший был совершенно в курсе того, что вскоре

ему предстоит исчезнуть. И, скорее всего, он знал, куда именно. Жаль, записочку с новыми координатами не оставил».

– Костя не говорил вам, что собирается съезжать с квартиры? – снова обратился Лев к Изотову.

– Нет, не говорил, – озадаченно ответил тот. – А почему, собственно, вы так уверены, что он съехал? Может быть, он просто вышел ненадолго. Или у друзей гостит, или... или еще где-нибудь.

– Он не отвечает на звонки. Телефон недоступен уже несколько дней, и знакомые и сокурсники Константина понятия не имеют, где он может сейчас находиться. Вы и сами легко можете проверить это. Попробуйте позвонить ему.

– А что, и попробую, – отважно ринулся в бой Изотов. – Отчего же? Очень даже просто.

Он вытащил телефон и, перебрав список контактов, активировал один из них. Но даже Гуров, стоявший чуть поодаль, слышал, что ответом на эту «пробу» был лишь металлический голос, сообщавший, что абонент недоступен.

«Да нет, дорогой товарищ, – усмехнулся про себя Лев. – В том, что квартирант ваш съехал, можете даже не сомневаться. Элеонора Юрьевна понапрасну беспокоить себя не стала бы».

– Да, кажется, недоступен, – обескураженно проговорил Изотов. – Надо же. А как же?..

– Вы виделись с Константином только раз в месяц, когда он приносил деньги? – перебил Гуров.

– Да, в общем-то... в общем-то да.

Убедившись, что на съемной квартире нет бездыханного трупа Константина Соловьева, а даже, наоборот, имеются некоторые косвенные подтверждения, что он отбыл в добром здравии, Лев стал прощаться. Все что хотел, он здесь выяснил, ответы на остальные вопросы явно нужно было искать в других местах.

– Уходите? – с недоумением спросил Изотов. – А как же?.. Что же мне теперь делать?

– Искать новых жильцов, – коротко ответил Гуров.

– Новых? Но как же?.. Ведь Костя... он заплатил. Еще целых две недели. А что, если он вернется? Вернется, а здесь другие люди. Это будет неудобно. Как вы думаете?

– Я думаю, что подобные казусы вам не грозят, – заверил Лев. – Ваш жилец не вернется, можете быть уверены.

– Правда? Это точно? А откуда вы знаете?

– Я знаю.

Спускаясь в лифте, полковник сопоставлял то, что услышал в институте, с тем, что увидел на квартире, и делал выводы.

«Итак, Костя „психовал“ и параллельно собирал вещички. Значит, как минимум для него самого это „исчезновение“ спонтанным не было. Вполне возможно, он сам себе его и устроил. Либо кто-то устроил это для него по предварительной договоренности и при полном согласии сторон. В любом случае об убийстве, похоже, речь не идет. Разве что прикончили уже после, когда находился вне досягаемости правоохранительных органов. Но чем бы ни закончилась эта история, началась она, несомненно, с бегства. Либо бегства, организованного самим Соловьевым, либо неким его помощником и, возможно, инициатором. Вопрос: что такого мог „натворить“ девятнадцатилетний пацан, чтобы ему пришлось срочно все бросать и мчаться „куда глаза глядят“, как выразилась Элеонора?»

Ответ на него, возможно, мог дать кто-то из тех редких гостей, которые время от времени приходили к Косте.

Гуров не сомневался, что «щупленький доходяга», о котором упоминала соседка, это не кто иной, как новый друг «компьютерного гения» Игорь Киров. А вот кем был «мощный солидный мужчина», оставалось пока неизвестным.

«Судя по всему, никто из его старых друзей не знал адреса этой хаты, – вновь размышлял Гуров. – Зачем тащить в новую жизнь старые проблемы? Отсюда и образцово-показательная тишина, и отсутствие гостей. А уж если кто и являлся, то наверняка не затем, чтобы байки потравить да пивка выпить. Готов поставить что угодно – эти редкие гости девятнадцатилетнего мальчика говорили исключительно „о делах“. Кто же он такой, этот „солидный мужчина“?»

Интуиция подсказывала ему, что человек этот как-то связан с тем новым, что появилось в жизни Кости после поступления в институт. Но интуицию к делу не подошьешь, и приходилось ломать голову над тем, как добыть реальные факты.

Поразмыслив над тем, какие у него есть «тайные тропы», которыми можно было бы выйти на «солидного мужчину», Гуров пришел к выводу, что никаких. Единственным местом, где его видели, была квартира Кости, а поскольку квартирант в этой квартире уже не проживал, то и у солидного мужчины больше не было поводов заглядывать в гости.

«Эх, если бы узнать обо всем этом чуть пораньше! – досадовал он. – Тогда можно было бы просто выставить „наружку“, отследить этого хмыря и преспокойненько выйти на то злачное место, откуда он являлся в гости к студенту. Уверен, это в два счета позволило бы получить ответы на ключевые вопросы. И о том, с кем сотрудничал этот Костя в свободное от учебы время, и о том, какие именно поручения в рамках этого сотрудничества выполнял».

В том, что речь идет именно о «деловом» сотрудничестве, Лев не сомневался. Он ни на минуту не забывал, что «исходные данные» у мальчика из коммуналки в плане финансов были более чем скромные. А снимать квартиру в Перовом поле, даже простенькую и обставленную по минимуму, наверняка стоило недешево. Значит, необходим был еще какой-то финансовый источник. И для девятнадцатилетнего парня, только-только вкусившего «вольной» жизни со всеми ее соблазнами, наверняка было совершенно все равно, насколько этот источник «чист», с точки зрения действующего законодательства.

На мысль о криминальном характере «сотрудничества» Константина Соловьева с его загадочными взрослыми друзьями наводила, во-первых, таинственность, которой окружил парень свою новую жизнь, а во-вторых, и сам факт его исчезновения. Если бы он имел какую-то «белую», легальную подработку, он наверняка не стал бы делать из этого факта большого секрета. Повышенная секретность очень часто идет рука об руку с преступностью, это полковник знал по опыту.

Именно поэтому он решил, что следующим его «пунктом назначения» должно стать местное РУВД.

Глава 5

Побеседовав с участковым Алексеевского района, где Соловьев проживал в школьные годы, Лев считал правильным задать те же вопросы и по месту его нового жительства.

Расспросы показывали, что, став студентом, Костя начал вести себя более сдержанно, поэтому Гуров не думал, что ему снова придется выслушать рассказ о драках и «приводах» в полицию. Но как профессионал он предпочитал оперировать фактами, а не предположениями, поэтому решил удостовериться.

Лев завел двигатель и стал выруливать из ряда автомобилей, припаркованных во дворе и гостеприимно приютивших его машину. Выхав со двора, он сосредоточил все внимание на оживленной городской трассе, куда ему предстояло сейчас свернуть, и вскоре влился уже в общий поток. В какой-то момент Лев случайно бросил взгляд в зеркало заднего вида и вдруг увидел серую «Мазду», стоявшую на его месте перед поворотом и, так же как и он, ожидавшую возможности встроиться в ряды проезжавших мимо автомобилей.

– Что за черт? – в крайнем недоумении вслух проговорил он. – Это что, снова та самая?

Тенденция становилась подозрительной. Мысль о том, что за ним могут следить, казалась абсурдной. Однако подыскать какое-то еще объяснение тому факту, что он уже третий раз за день замечает у себя «на хвосте» одну и ту же машину, Лев затруднялся.

Медленно двигаясь в плотном потоке машин, он перебирал в памяти обстоятельства дел, которые сейчас находились у него в разработке, стараясь найти причины для возможного недовольства кого-то из фигурантов и поводы осуществить в отношении его «кровавую вендетту», но приходил к выводу, что таких поводов нет. Все текущие расследования проходили на редкость ровно и без эксцессов. Большинство дел было связано с финансовыми махинациями и злоупотреблениями полномочий, обвиняемые и подозреваемые были из тех, кто скорее предложит взятку, чем наймет киллера. Но вопрос возник, и он требовал ответа. Поэтому Гуров решил при первом же удобном случае пообщаться с непрошеными «сопровождающими» и вновь сосредоточился на дороге.

Минут через сорок неспешного движения в плотном транспортном потоке он припарковался возле знакомого здания. Профессия оперуполномоченного предполагает работу в постоянном контакте с людьми и в особенности с коллегами. Но кроме деловых контактов Лев имел и личные знакомства во многих местных отделениях районов Москвы. Район Перово тоже входил в этот список. Здесь у него было налажено эффективное личное взаимодействие с майором Егоровым, опытным оперативником, с которым Льву доводилось и проводить совместные расследования, и просто консультироваться по разным вопросам.

Именно к нему он и собирался сейчас обратиться. Но, прежде чем являться «в гости», Гуров решил позвонить и убедиться, что его друг сейчас находится на рабочем месте, а не рыщет по столице в поисках улики по очередному делу.

– Алло, Дима? Привет! Это Гуров.

– Здорово, Лев Иванович! Рад слышать.

– Взаимно. Ты где сейчас?

– В конторе. А что?

– Ничего, очень даже хорошо. Я и сам тут поблизости. Могу подняться к тебе? Есть небольшой разговор.

– Без проблем. Я сейчас как раз один-одинешенек. Скучаю. Все разбежались куда-то, а я за компьютером сижу как проклятый, так что приходи, хоть отвлекусь, развеюсь.

– Бегу!

Гуров закрыл машину и направился к зданию РУВД.

Рабочий кабинет майор Егоров делил еще с двумя коллегами, но сейчас их столы были пусты, и Дмитрий оставался полноправным хозяином помещения.

– Проходи, присаживайся, – пригласил он, когда Лев появился в дверях. – Видишь, сколько свободных мест.

– Да я вот тут, с краешка, – ответил тот, устраиваясь напротив его стола. – Нам чужого не надо.

– Какими судьбами в наши края?

– Угадай с трех раз.

– Как всегда, по делу? Нет чтоб просто в гости зайти.

– Когда мне? И текучку-то еле успеваю перелопачивать, а тут еще дополнительную «нагрузку» всунули. Точнее, сам себе на шею повесил, – поправился Гуров, вспомнив, что у него были шансы отказаться от «поручения» Элеоноры.

– И как раз эта дополнительная нагрузка привела тебя ко мне? Угадал?

– Угадал. Нужна информация по твоему району, а если бы еще удалось пообщаться с участковым Перова поля, это было бы вообще идеально.

– Ух ты! Ну, и аппетиты у вас, товарищ полковник! И информацию ему, и участкового. Я здесь вообще-то пока не начальник управления, а всего лишь рядовой мент. Где я тебе столько всего наберу?

– Не прибедняйся. Вспомни, сколько мы с тобой знакомы. Я тебя знаю как облупленного, так что со мной эти штучки не пройдут. У тебя же весь район в корешах ходит. И ситуация тебе всегда известна до тонкостей, и на нужного человека ты всегда можешь вывести. Так что не скромничай. Лучше скажи мне, не мелькала ли в сводках фамилия Соловьев? Приблизительно в течение последней недели.

– Соловьев? – задумался Дмитрий. – Да нет, вроде не слышно было. По крайней мере, в заметных делах. У нас тут два ограбления крупных да еще убийство с отягчающими. За последнюю неделю это самые заметные происшествия. Мелочовки, конечно, как всегда, хватает, но ты же из-за мелочовки не придешь.

– Да, на мелочовку там не похоже, – согласился Гуров. – А что за убийство? Кто жертва?

– Девушка. После вечеринки пошла с двумя ублюдками «в гости», продолжить собиралась. Ну и... продолжила. В гостях этих ее целая компания поджидала. Повеселились на славу.

– Нет, это точно не мой случай.

– А что за случай-то? Объясни толком.

– Юноша один у нас потерялся. Выходец из коммуналки в Алексеевском районе, предыстория своеобразная, но как-то сумел подняться, даже в университет поступил. После поступления из коммуналки съехал, снимал квартиру в Перовом поле. На какие средства, пока не очень понятно. Богатого наследства там точно не было.

– А на какие средства учился, это понятно?

– Здесь – более-менее. Парень, похоже, способный, некоторые даже называют компьютерным гением. Если я правильно понял, обучение ему оплачивают некие сторонние организации. Грант или что-то в этом роде. Он учится в МТУСИ, у них довольно широкая программа международного сотрудничества и, соответственно, много разных вариантов стимулирования талантливой молодежи. Вот и этому Косте удалось попасть в число счастливицков.

– Костя? Константин Соловьев?

– Да, именно. Не попадалось тебе чего-нибудь похожего в текущей хронике? Он, когда учился в школе, участковому был как родной. Драки, мелкое воровство. Чуть ли не каждый день виделись.

– Хм, занятно, – задумчиво проговорил Егоров. – Значит, драки и воровство?

– Именно так.

– И он же – компьютерный гений?

– Представь себе. Похоже, у парня целый букет талантов, и это делает ситуацию еще более пикантной. Только-только начав обучение в солидном вузе, он вдруг исчезает в неизвестном направлении, никого не предупредив и не оставив даже намека на то, куда подался. Поэтому варианты могут быть самые разные, в том числе и криминальные. Проблема в том, что мальчик, похоже, никого не пускал в свою частную жизнь, о его личных делах никто не знает. Вот я и тычусь, как слепой котенок. Поступив в институт, он вроде бы старые привычки бросил, остепенился. Но кто знает, может, нет-нет да проявляли себя прежние инстинкты. Поэтому я и хотел бы побеседовать с участковым. Если что-то было – скандалы, драки, приводы, он должен знать.

– Логично, – согласился Егоров. – Перово поле, говоришь?

– Да, именно. Там он снимал квартиру.

– Ладно, сейчас попробую позвонить одному человечку. Где он там у нас... – Дмитрий достал телефон и, просмотрев список контактов, активировал один из них. – Здорово, Евгений Петрович! – бодро проговорил он в трубку. – Егоров беспокоит. Не подскажешь мне, кто у вас там Перовым полем заведует? Да, из участковых. Рябов? Погоди, это Паша, что ли? А как же, конечно, знаю. А он сейчас далеко от тебя? Не очень? Слушай, передай ему, чтобы он забежал ко мне на минутку. Нужна консультация компетентного человека. Да, насчет Перово. Передашь? Вот и чудненько. С нетерпением жду.

Майор Егоров действительно был очень коммуникабельным человеком, имел широкие связи и бесчисленные знакомства. Гуров совсем не напрасно говорил, что у него весь район «в корешах». Эти связи и знакомства очень часто помогали в работе и самому Егорову, и тем, кому посчастливилось с ним взаимодействовать.

Так было и на этот раз. Короткий телефонный разговор оказался вполне результативным, и минут через десять в кабинете появился темноволосый, средних лет мужчина, который, разумеется, тоже оказался хорошим знакомым Дмитрием.

– Паша, здорово! Рад тебя видеть. Знакомься – легенда отечественной криминалистики полковник Гуров.

– Спасибо, Дима, – улыбаясь этой «высокой рекомендации», проговорил Лев. – Надеюсь, с чувством юмора у нашего коллеги все в порядке.

– Да у него вообще всегда все в порядке, – балагурил Егоров. – Работка – не бей лежачего. Ходи себе по домам, гуляй на свежем воздухе, с людьми общайся. Это ли не жизнь?

– Ну да, конечно, – саркастически усмехнулся Павел. – Участковые – это вообще самые счастливые и беззаботные люди в полиции. Элитное подразделение.

– Может, и не элитное, но очень ценное, – вступил в разговор Гуров. – Ведь именно участковые всегда получают информацию непосредственно на месте и из первых рук. Мы, грешные, приходим уже вторыми. Поэтому без вас никак.

– Нужна информация? – внимательно взглянул Рябов. – Женя говорил про какую-то консультацию.

– Да, нужно прояснить моральный облик одного молодого человека, – улыбнулся Лев. – В школьные годы он проявлял себя очень буйно, но после поступления в институт и переезда в Перово, возможно, успокоился. А возможно, и нет. Вот это, собственно, мне и хотелось бы выяснить. Речь идет о некоем Константине Соловьеве. Он учился в МТУСИ и снимал квартиру в Перовом поле.

– Учился? А теперь уже не учится? – тут же заметил несоответствие Павел.

– Последние несколько дней – нет. Парень исчез в неизвестном направлении, и нет никакой информации и даже предположений о том, куда бы он мог направиться. Криминальные варианты развития событий, как сам понимаешь, вполне возможны. Поэтому я и хотел узнать, не было ли по поводу него каких-нибудь интересных «звоночков». На старом месте житель-

ства мальчонка местному участковому был как родной. А что скажешь ты? Возникла такая фамилия?

– Соловьев? – Павел сосредоточился, припоминая. – Что-то ничего не вырисовывается. Нет, Соловьева, кажется, не было. Честно говоря, студентов у меня в «постоянном списке» вообще не имеется. Больше маргиналы. Нигде не работающие, ничего за душой не имеющие. Студенты, это все-таки... немножко другой контингент. Хотя тоже, конечно, разные бывают, но такого, чтобы они у нас «как родные» прописались, такого на моей памяти не было. Нет, про Соловьева ничего не могу сказать. Не знаю.

Такой ответ Гурова не удивил и даже не особенно разочаровал. Отчасти он уже заранее предвидел нечто подобное. Если даже бдительная старушка в буклях была довольна поведением Кости, то официальные органы правопорядка и подавно не должны были иметь к нему претензий.

– Что ж, понятно – сказал он, выслушав Павла. – Видимо, после поступления в институт Костя и правда решил изменить свою жизнь и стать примерным мальчиком.

– Судя по тому, чем это закончилось, перемены не пошли на пользу, – заметил Егоров.

– Да, возможно. А я надеялся, что все обойдется малой кровью. Мол, покутил парень, набедокурил и «загорает» теперь в СИЗО. Поэтому и телефон его недоступен. А мы тут волнуемся, горячку порем, неизвестно что себе придумываем. Но, похоже, малой кровью здесь не получится.

– Нет, в СИЗО у нас студентов Соловьевых точно нет, – уверенно ответил Рябов. – Если бы видели эти хари, вы бы даже просто визуально смогли определить, что студентов среди них нет.

– А что, больше никаких зацепок кроме адреса нет? – вновь вступил в разговор Егоров. – Если он студент, может быть, имеет смысл расспросить в институте? Одногруппники, преподаватели. С ними не пытался беседовать?

– Пытался, конечно. Но не очень результативно. Парень, похоже, не слишком распространялся о своих делах. Общение с одногруппниками не выходило за рамки учебного процесса, – добавил Гуров, вспомнив рассказ Игоря Кирова.

– Печально, – резюмировал Егоров. – Что собираешься делать?

– Есть у меня еще одна ниточка. С институтом, правда, не связана, скорее эхо прошлых буйных лет. Но зато здесь прослеживается четкая связь с криминалом, и, вполне возможно, этим путем получится выйти на какие-нибудь интересные факты. По крайней мере, попытаться стоит. Остальные возможные варианты я, кажется, уже исчерпал.

– Дерзай! От всей души желаю успеха твоему безнадежному делу!

– Спасибо, друг!

«Ниточкой», о которой говорил Гуров, были веселые друзья Кости из клуба «Комета» Дмитрий Сазонов по кличке Созонт и Андрей Краснов по кличке Красный. Только они пока еще оставались «неохваченными». Со всеми остальными, кто так или иначе по жизни соприкасался с Константином Соловьевым, Гуров уже пообщался.

«Занятно будет, если и Созонт с Красным не дадут ничего полезного, – думал он, выходя из здания и направляясь к машине. – Что же мне тогда остается делать? Ведь парень действительно пропал. Не иначе придется пытаться самой Элеонору Юрьевну на предмет того, какое в действительности отношение она имеет к этому мальчику. Ведь теперь совершенно очевидно, что почти вся история, рассказанная ею в моем кабинете, была плодом воображения».

Вспомнив про Элеонору, Лев обратил внимание на еще одно интересное обстоятельство. Беседа в кабинете состоялась несколько дней назад, и за это время Элеонора ни разу не дала знать о себе. Она не позвонила, не поинтересовалась, как идут дела, не спросила, появилась ли новая информация. А ведь во время разговора дамочка по-настоящему волновалась, и было очевидно, что независимо от того, по каким причинам Костя исчез, найти его ей просто необ-

ходимо. Именно для этого она придумала и блестяще осуществила довольно дерзкую комбинацию с привлечением к этим поискам одного из лучших и опытейших оперативников столицы.

И вот теперь, когда дело было на мази и оставалось только контролировать процесс и с нетерпением ожидать результатов, именно этого-то нетерпения и не наблюдается. Создавалось впечатление, что, потратив столько усилий, чтобы достигнуть промежуточного результата и «озадачить» Гурова, Элеонора потеряла интерес к главному – нахождению самого Кости. В свете всего предыдущего подобное поведение выглядело странным и необъяснимым.

Отметив очередную странность этого и без того не в меру странного дела, Лев решил, что уделил ему уже достаточно времени и пора переключиться на ту самую «текучку», о которой он упоминал в разговоре с Егоровым. В ночных клубах жизнь начинает бурлить поздно вечером, поэтому отправляться на встречу с Созонтом раньше девяти не было смысла. А значит, можно с чистой совестью отвлечься от поисков Константина Соловьева и заняться поисками улик и фактов по другим не менее интересным делам, которые находились сейчас в разработке.

Отъезжая от здания УВД, Гуров то и дело посматривал в зеркало заднего вида, желая узнать, здесь ли неотвязная «Мазда». Но «сопровождающих» на этот раз не было видно. Возможно, близость организации с большим количеством полицейских заставила их быть более осторожными. А возможно, все это было обычной случайностью и своим беспокойством Лев был обязан лишь своей чрезмерной мнительности.

Как бы там ни было, дальнейший путь полковника проходил спокойно, и никаких «хвостов» за собой он не замечал. Заехав в несколько адресов, которые нужно было посетить в связи с текущими расследованиями, Гуров отправился в изолятор и около двух часов провел там, допрашивая подозреваемых. После этого поехал в Управление и снова «перевыполнил план», до позднего вечера засидевшись за компьютером и оформляя документацию.

Закончив с делами, Лев зашел в ближайшую кафе перекусить. По опыту он знал, что посещение ночных заведений для молодежи всегда чревато неожиданностями, и предвидеть заранее, чем и когда закончится визит, практически невозможно, поэтому решил предварительно подкрепиться.

В ожидании заказа он позвонил жене и предупредил, что вернется поздно.

– Кто бы сомневался, – сентенциозно произнесла Мария. – Но ничего, у меня тоже сегодня вечерний спектакль, в двенадцатом часу заканчивается. Так что, может быть, вернемся одновременно.

– Хорошо бы, – ответил Лев, в глубине души сильно сомневаясь в том, что этим надеждам суждено сбыться.

Предчувствия его не обманули, домой он вернулся гораздо позже своей жены.

Ночной клуб «Комета», как и полагается заведению с таким названием, располагался на улице Космонавтов. Однако образ жизни и предпочтения посетителей были далеки от здорового идеала, и вряд ли кто-то из них смог бы пройти отбор в космические пилоты.

Несмотря на все старания дворников, подходы к одноэтажному зданию были усыпаны окурками, а зайдя с заднего фасада, где находилась небольшая зеленая зона, можно было обнаружить пакетики от клея и шприцы.

Припарковавшись на некотором расстоянии так, чтобы машина не бросалась в глаза, Гуров прошел к входу. Возле дверей тусовалась кучка подростков, усердно смолотивших сигаретами и лениво перебрасывавшихся короткими фразами, где отборный мат причудливо перемешивался с молодежным сленгом. На Гурова они посмотрели с интересом.

«Пожалуй, нужно было взять с собой кого-нибудь для „прикрытия“, – перехватив эти взгляды, подумал он. – Кажется, по возрастной категории я здесь уже не прохожу».

Но отступать было поздно, и Лев решительно шагнул к двери.

Войдя в зал, он сразу понял, что по поводу своей «возрастной категории» беспокоился совершенно напрасно. Большинство присутствующих были сосредоточены исключительно на

собственных ощущениях, им не было никакого дела до возраста и общественного положения окружающих.

Гуров подошел к стойке, где разливали напитки, и, изо всех сил стараясь перекрыть музыку, обратился к бармену:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.